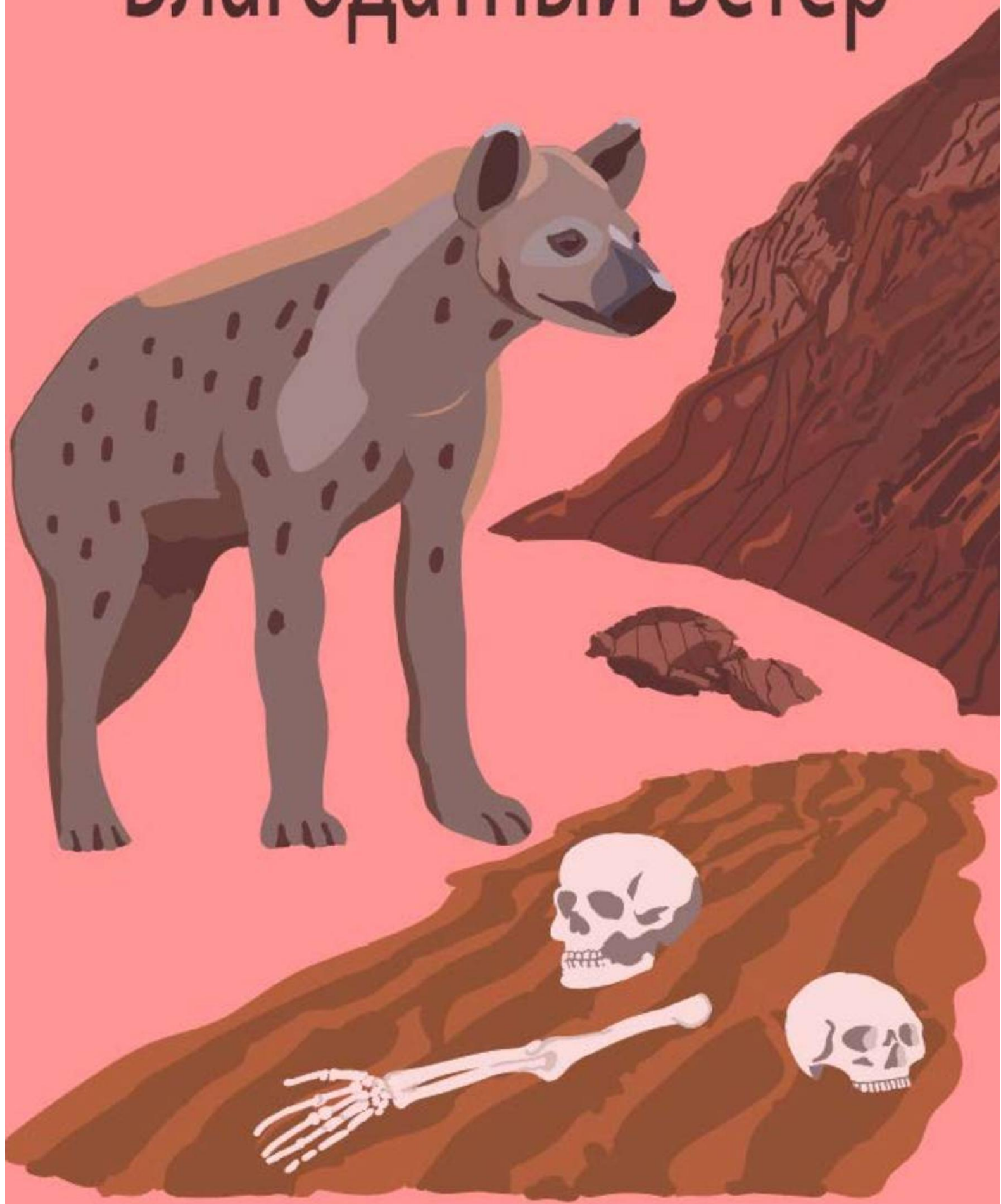

Сергей Брызгалов

Благодатный ветер

Сергей Брызгалов

Благодатный ветер

«Автор»

2026

Брызгалов С. В.

Благодатный ветер / С. В. Брызгалов — «Автор», 2026

Он держит путь в родные места, в то время как мир разрушается,
приближаясь к "Концу Света".

© Брызгалов С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Благодатный ветер	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Брызгалов

Благодатный ветер

Благодатный ветер

Глава 1

Мягкие шаги и шорох ночной рубашки приблизились со стороны печи, и вес уставшего тела отпечатался на краю кровати, в ногах. Он не открыл глаза, не шелохнулся. Только дыхание стало тише и осторожнее, словно он стеснялся самого факта своего существования.

Он лежал настороженно, чувствуя её присутствие, слабая от недостатка воздуха и наконец спросил:

— Что тебе надо, мама?

Её любящая рука прикоснулась к ногам, как в детстве — с осторожностью, чтобы не напугать. И после пронзительной паузы, среди абсолютной, раскинувшейся на десятки километров тишины, прозвучал её голос, печальный и окутанный грубой тоской:

— Давит в груди, не могу вздохнуть.

Сам того не желая, он открыл глаза и повернулся к ней.

Она. Маленькая сгорбившаяся фигурка, облачённая в белую ночную рубашку, застыла на краю кровати, сложив слабые, высохшие от времени руки на коленях, уткнувшись взглядом в чёрное от ночи окно.

— Чем я помогу тебе, мама? Ты же умерла, — произнёс он с последней порцией зажатого воздуха, и судорога перехватила грудь, не давая вдохнуть.

Неожиданно небесный грохот приблизился с западной стороны и, встряхнув состарившийся дом, ушёл за реку.

Низколетящая ракета или военный самолёт разбудили его, избавив от неприятного сна. Он ещё полежал в постели какое-то время и, понимая, что уже не уснёт, встал.

Один и тот же сон снился через день или два на протяжении последнего месяца, выматывал нервы и мучил душу. После этого сна он не мог отделаться от терзающих совесть мыслей до самого обеда, боролся с разной мерзостью в голове, поднимавшейся помимо его воли из глубины сознания и вытаскивавшей на поверхность застарелые страхи и обиды. Беспокойство теперь хозяйничало в сердце — от ожидания чего-то ужасного по масштабу и неотвратимо реального.

Он не был на родине больше пяти лет, а потому и могилы родителей наверняка находились в запустении. Надо было ехать, навестить — и Егор собирался каждую весну. Но наступало лето, а затем осень, и он придумывал отговорки, оправдывал себя и оставался дома.

Он вышел на улицу. Прохладный бодрый ветерок поднимался в гору с реки, влажный запах травы облегчал дыхание. Природа пробуждалась от сна, и укрывшаяся в кустах птичка звонко высвистывала один и тот же быстро надоедающий мотив. Егор привычными движениями размял плечи и шею, выполнил пятьдесят приседаний в три подхода и, подтянувшись шесть раз на деревянном перекрытии крыльца, вернулся в дом.

Дом построил его дед в ста пятидесяти километрах от города, в некогда многолюдном, а ныне пустынном дачном посёлке. Небольшой по размеру, но добротный, сложенный из толстых брёвен дом служил Егору постоянным жилищем последние пять лет. Даже на зиму он оставался здесь, лишь иногда, в исключительных случаях, утром отправлялся в город, но к вечеру всегда возвращался.

Совершив молитву, он продолжил сидеть на коленях, наслаждаясь временным отсутствием мыслей; осматривал аскетичную обстановку жилища, соединённую с чистотой и порядком. Поднявшись, стал собираться на рыбалку.

В три часа ночи ему исполнилось пятьдесят пять лет, о чём он вспомнил во время молитвы, но не сразу правильно рассчитал свой возраст.

Он перестал отмечать день рождения после сорока. Помнил, но уже не справлял. После сорока смерть подбирается ближе, и каждый год даёт ей дополнительный повод приблизиться почти вплотную. Что праздновать? Приближение смерти? Да и не с кем было праздновать. Он жил один, ушёл от семьи, похоронил родителей и потерял связь с друзьями.

Ритмичный такт лодочного мотора в пятнадцать лошадиных сил разбежался эхом, обогнув крутой берег неширокого извилистого залива, и алюминиевая, пережившая свой нормативный век, лодка неспешно заскользила поперёк многоводной реки к скалистому, белому от обнажившегося известняка берегу, нависавшему неровной стеной неприступной сказочной крепости, тянувшейся прямо из воды.

Под этой скалой хорошо брал судак. Ну а если он не клевал, можно было поймать окуня, всегда кормившегося плотным косяком в это время года, в начале осени.

Егор замедлил ход лодки, прищурившись, напрягая глаза, ища скопления чаек — признак наличия рыбы. Ещё сильнее натянув на затылок вязаную шапку из овечьей шерсти, он прикрыл ямку в черепе, в месте вживлённой титановой пластины — результат неудачного покушения — и, заметив пару чаек у края скалы, увеличил ход, заранее решая, в каком направлении будет бросать блесну. Сбросил груз и, привязав лодку, не торопясь стал вынимать снасти, покачиваясь на слегка заметной волне. Он то и дело поглядывал на суетливых обиженных птиц, метавшихся рядом, разговаривая с ними и ласково уговаривая не скандалить. Шапка сползала на глаза при каждом забросе спиннинга, и он незаметным для себя движением поправлял её снова, стягивая на затылок.

Он всегда ходил в шапке. Снимал только в доме, и то если заходил надолго. Шапка защищала от сквозняков, вызывающих головные боли, а ещё он стеснялся уродства раны. Егор так привык к шапке, что не снимал даже в жару. Вещь стала неотъемлемой частью тела и с точки зрения психологии, наверное, являлась своеобразным зонтиком, защитным куполом от зла и невзгод.

Солнце пекло спину, обещая ясный день, и хороший клёв увлекал, освобождая от мысленной смуты. Пришло время возвращаться, и Егор, оценив улов, уставился в даль противоположного берега, обдумывая дела на сегодня.

Вдруг взгляд переметнулся на проплывавший мимо лодки кулёк, раздувшийся от наваленных в него вещей. Егор сжал губы, оценивая было издалека находку, но отвлёкся на спиннинг, потянувшийся из рук. Чёрный чемодан в коричневую клетку, наполовину ушедший под воду, зацепившись за леску, тянул вниз по течению. Он обернулся и застыл от увиденного. На него надвигался «лесосплав», собранный, при внимательном рассмотрении, из человеческих тел, лежавших на спинах или уткнувшихся в глубину, вперемешку с поплавками багажа.

Чемодан тянул, и Егор, нащупав в кармане нож, не сразу сумел раскрыть лезвие вдруг задрожавшей рукой, но всё же срезал леску, освободив спиннинг. Бросив снасть у борта, он кинулся доставать якорь, чтобы плыть за помощью, но, вытянув его наполовину, шарахнулся, выпустив груз. Перед ним проплывал труп толстого мужчины, прижимавшийся к лодке. Помедлив минуту, Егор бросился доставать мертвеца. Поджав колени и распластавшись животом по борту, ухватившись руками за ремень штанов утопленника, он рывком подтянул тело на себя, но сил не хватило. Поднявшись с колен и перегнувшись дальше через борт, он снова рванул, подтягивая к себе, и наконец сумел закинуть тело на край лодки, тем самым накренив её и погрузив борт под воду.

Лодка стала наполняться водой, и Егор, исправляя оплошность, метнулся к противоположной стороне, выравнивая своим весом крен. Край приподнялся, подарив время и позволив подумать, но вариантов не оставалось, кроме как сбросить труп обратно в воду. Рискуя перевернуть лодку, Егор подполз к мертвецу, попытался скинуть его, но тот, зацепившись одеждой за крепление корпуса, держался, погружая своим весом борт под воду. Лодка тонула, и Егор, понимая, что в запасе лишь четверть минуты, стал таскать тело в разные стороны, надрывая живот, пытаясь за критически малое время освободиться от мёртвого груза. На мертвеце с треском порвалась рубашка, оставив торчащий клочок ткани на алюминиевом корпусе. Труп слетел и медленно пошёл ко дну, а Егор, плюхнувшись на дно лодки, стал растирать на руках маслянистый белёсый налёт, оставшийся от тела.

Поднявшись, он разглядывал мертвецов, окружавших лодку. Ни страха, ни беспокойства уже не было. Им на смену пришли смиренность и покорность происходящему. Он смыл налёт, прополоскал руки в реке и, перебравшись на корму, зажал в кулаке запускной канат мотора. С первой попытки завестись не удалось, и он, подкачав топливо, сжал канат снова, но дёрнуть не успел. К корме прибило труп молодой женщины, которая тянула за собой, ухватив за руку, мальчонку пяти лет. Они словно спали, безмятежно закрыв глаза, и светлые волосёнки ребёнка шевелились в воде в такт набегающим волнам.

Егор оставил мотор и, дождавшись, когда мальчонку прибьёт ближе, ухватил трупик за курточку, поднимая в лодку. Мёртвая рука матери не отпускала мальчика, железным кольцом обхватив тонкое запястье. Он, удерживая на весу мальчика, свободной рукой отдирает тонкие пальцы женщины, украшенные глянцевым маникюром неоновой окраски. Освободив ребёнка, он затащил его в лодку, положил в ногах перед собой. Из коротких штанишек торчали тоненькие ножки с одним ботинком, а белые носочки украшали рисунки мультяшных щенков. Егор надрывно выдохнул, подавившись горем, полоснувшим резкой болью по пересохшему горлу. Он закашлялся, и зрение помутнело от навалившихся слёз. На ощупь он завёл мотор и, не особо выбирая путь, помчался в залив, ударяясь носом лодки о трупы, рискуя запутать или повредить винт тряпьем или мёртвой плотью.

Причалив к берегу, он вытащил нос лодки на сушу и набросил на мальчика плащ-дождевик. Направился к дому, поднимаясь в гору; остановился лишь раз, чтобы отдышаться. Ворвавшись в дом, схватил телефон и набрал номер службы спасения. Торопясь, а потому сбиваясь и путаясь, он рассказал об увиденном и, уронив телефон рядом с собой, застыл в кресле, отрешённо уставившись на лист клёна, который лежал на полу и, видимо, попал в дом, приклеившись к подошве.

Вертолёт пролетел низко над домом и, долетев до залива, развернулся. Егор очнулся и, слегка покачиваясь, словно пьяный, вышел из дома, всматриваясь в речной простор. Там мотались надувные лодки с моторами, а спасательные катера держались друг от друга на одинаковом расстоянии, словно привязанные к невидимым точкам. Вертолёт петлял от берега к берегу, иногда зависая, а со стороны залива доносились многочисленные людские голоса.

Он вышел на берег, наблюдая за военными, устранявшими последствия катастрофы. Лодки то и дело утыкались в берег, и подбегающие к ним бойцы вынимали из них мертвецов, пакуя тела в чёрные мешки, складывали рядами на земле по неровной линии крутого берега. Группа офицеров неспешно вышагивала вдоль кромки воды, услужливо опекая долговязого в центре, который резко махал руками, отдавая приказы.

Егор широкими шагами, рассчитывая быстрым манёвром беспрепятственно подобраться к старшему, ворвался в группу военных и, растолкав мешавшихся на пути, очутился в её центре. Старший офицер уставился на него злым взглядом, слегка разбавленным удивлением.

— Кто у нас отвечает за секретность? Почему посторонние свободно шляются? — процедил старший, уничтожающе рассматривая подчинённых.

— Это я звонил, — сипло выдохнул Егор, внутренне готовясь сопротивляться. — Я рыбачил, когда они поплыли.

— Что? — переспросил старший офицер, то ли не расслышав, то ли не желая слушать.

— Видимо, это он сообщил о катастрофе, — несмело пояснил один из офицеров.

— Я понял, не идиот? — огрызнулся старший, не сводя надменного взгляда с неудобного свидетеля. — Майор, разберитесь с ним, раз вы самый умный, — приказал он и, обойдя стороной Егора, продолжил движение, уводя группу за собой.

Остался стоять только крепкий майор, лет тридцати, с щербатым лицом.

— У меня в лодке мальчонка. Я его только вытащить смог. Может, заберёте? — Егор заговорил первым.

— Лодка где? — спросил майор.

— Вон, — Он показал в сторону.

— Эй, вы двое, идите сюда, — офицер позвал оказавшихся рядом солдат. — Возьмите мешок и за мной. — Затем, посмотрев на Егора сочувствующим взглядом, тихо добавил: — Пойдёмте.

Скомкав дождевик и положив его под скамью лодки, Егор наблюдал, как бойцы запечатывают чёрный мешок. Майор, обходя лодку, похлопывал корпус рукой.

— Вы здесь живёте?

— Да.

— Как рыбалка?

— Время от времени.

— Кто ещё, кроме вас, здесь живёт?

— Дальше по дороге старик, но он плохо ходит. В выходные народ приезжает, но ближе к зиме здесь безлюдно.

— Вы на телефон что-нибудь сняли?

— Нет.

— И не надо.

— Телефон с собой?

— Нет.

— Ладно, идите. Позже проверим, — Майор отвернулся, намереваясь уйти.

— Что это было? — Егор не отставал от офицера ни на шаг.

— Автобус с парома упал. Водителю стало плохо, — ответил майор, остановившись.

— Автобус? В нём сколько мест? Сорок пять, не больше? Тут больше сотни мертвецов.

— Идите домой.

— Можно я помогу? У меня лодка, и места я знаю. — Егор и не думал уходить.

— Помогите. Прочешите берег залива. Только трупы руками не трогайте. Найдёте кого — зовите бойцов. — Майор отвлёкся на раскричавшегося в небе канюка и, не проронив ни слова больше, направился прочь.

Солнце скрылось за горой, предвещая скорую ночь. Егор плыл на вёслах вдоль берега, надеясь отыскать мать мальчика — труп той женщины с ногтями неоновой окраски.

— Зачем? Ну зачем я их разлучил? — укорял он себя.

Егору было не по себе от того, что он оторвал ребёнка от матери. Он переживал, что из-за него мать и сына похоронят в разных могилах.

Берег залива был каменистым, крутым и малодоступным. Еловый лес вплотную подбирался к воде, сбрасывая по весне деревья с берега из-за того, что размытая почва не удерживала корни.

Он всматривался вдаль и возле корней давно завалившегося дерева, сразу за изгибом реки, ближе к середине прибрежной каменистой полосы, увидел лежащего человека. Ускорившись, он приблизил лодку и, царапая алюминиевое дно об острые камни, вытащил её из воды.

Он бросился к телу, запнулся, но не упал. Ещё издалека он понял, что это тело женщины, но это была не мать ребёнка.

Женщина оказалась моложе, лет двадцать или чуть больше, с коротко стриженными ногтями. Она лежала на спине с открытыми помутневшими глазами, с прилипшей в уголке сухой травинкой. Её голова провалилась в расщелину, из-за чего подбородок оказался высоко задраным, а длинные тёмные волосы запутались в камнях, по которым в поисках пропитания бегали муравьи. Рот и щека были испачканы загустевшей на воздухе кровью, судя по следу, вытекшей из носа. Шёлковая розовая блузка оказалась распахнута, обнажив маленькую грудь с точкой-родинкой возле соска.

Егор осмотрелся. Волны не могли так высоко забросить труп, но рядом никого не было. Он нагнулся над девушкой, запахнул мокрую блузку, и на его пальцах остался смолянистый белёсый налёт — такой же, как от толстяка.

Это выглядело странно. Егор не поверил объяснению военного об упавшем автобусе. Спустившись к реке, он закричал спасателям, размахивая руками.

Тяжёлый тупой удар пришёлся в спину между лопаток, заставив пошатнуться вперёд. Камень, оттолкнувшись от спины, с твёрдым звуком ударился об утопленный в землю валун и подкатился к ногам.

Егор обернулся. Он был один.

Грудь девушки снова была обнажена, и вдобавок полностью были оголены ноги — юбка была задрана на живот. Он ещё раз подал спасателям знак и, вернувшись к девушке, привёл её в порядок. Он отошёл от трупа на пару шагов, шёпотом читая молитву, и единственная на краю берега кривая берёза вдруг зашаталась, скрипя крепкими корнями, и свалилась поперёк откоса, уйдя верхушкой под воду. Лодка спасателей, приближавшаяся на скорости, вдруг развернулась, а мощный мотор зачихал.

Егор вернулся домой ночью. Поставил на плиту чайник, уселся рядом на деревянную, сделанную своими руками табуретку. В стекло светильника под потолком бился толстотелый бражник, а под полом скреблась мышь. Чайник закипел, и он, выключив плиту, не стал пить заварившийся чай, а ушёл с веранды в дом и, толком не раздевшись, завалился спать.

И ему снился сон.

Среди полумрака больничной палаты стояли его друзья и знакомые из далёкого прошлого. Все улыбались, обнажая отчего-то гнилые и кривые зубы. Он протиснулся к центру, где стоял операционный стол. Егор увидел на столе мужчину, лежащего с закрытыми глазами, накрытого белой простыней, пропитанной местами кровавыми пятнами. Егор стащил простыню и узнал в мертвце себя. Друг Сашка, вцепившись ему в плечо, протягивал окровавленный нож, повторяя одно и то же: «Почему не берёшь? Почему не берёшь?»

Егор замотал головой, отказываясь брать нож, и тогда друг, оттолкнув его с силой, ринулся к телу и с вязким звуком стал втыкать нож в плоть.

Егор проснулся.

В дом стучали. Настойчиво и нагло, не останавливаясь ни на секунду.

Он накинул куртку, включил свет на крыльце и открыл дверь. Перед ним стояли двое. Мужчина лет сорока, худой, с сильно вытянутым лицом и острым носом, в капюшоне худи на голове. И женщина лет двадцати пяти, тоже худая, но выше мужчины на голову, лишённая привлекательных для женщины округлостей, стройная, как тростинка. На ней ладно сидел белый спортивный костюм, а голова, как и у мужчины, была спрятана под капюшоном.

— Хозяин, выручай, — заныл незнакомец, театрально приложив ладонь к области сердца. — Машина заглохла, пусти до утра переждать. Пожалей хоть жену — боюсь, замёрзнет.

Егор растерянно стоял в дверях, не зная, как поступить. Он отступил, впуская пару на веранду, на ходу придумывая, где их разместить. Спать с незнакомцами в одном доме ему не хотелось.

— Чайник поставить? — предложил он, подвигая ногой табуретки.

— Не откажемся. — Незнакомец усадил жену ближе к хозяину, грубо стащил с её головы капюшон.

Женщина направила на хозяина взгляд из-под опущенных ресниц, и Егор отметил её красоту.

Поставив на плиту ещё не совсем остывший чайник, он уселся подальше от гостей, внутренне напрягся и стал наблюдать за танцами неутомонного бражника возле светильника.

Все трое молчали, и лишь беспокойная мышь продолжала шуршать под полом. Чайник засопел, и хозяин, разлив кипяток в кружки, достал хлеб и колбасу, с долей опасения положил нож на стол. Незнакомец оживился и, не снимая с головы капюшона, отрезал неровный кусок хлеба, небрежно бросил на него толстый кругляк колбасы. Есть не стал, а положил бутерброд перед собой, сделав вид, что отхлебнул чай. Его жена, не стесняясь мужа, строила глазки хозяину дома и не обращала внимания на еду.

— У реки военные. Может, они с машиной помогут? — Егор сделал попытку избавиться от незваных гостей.

— Ну уж нет, — возразил незнакомец. — Находились мы уже в потёмках, чуть ноги не переломали. Лучше с утра, как рассветёт. А что, хозяин, выпить хочешь? — Узкие и хитрые глаза гостя наполнились озорством.

— Я не пью, — ответил Егор, жалея, что открыл дверь.

— Я тоже не пью, но с собой ношу на всякий случай. — Гость завёл руку за спину, а вытянув — уже держал фляжку, украшенную сбоку свирепой кабаньей мордой. — Бери, не стесняйся, там коньячок.

— Я вам подушки и одеяло дам. В бане переночуете. — Егор поднялся с табурета и зашёл в дом, вернувшись через несколько секунд с постельными принадлежностями.

— Баня открыта. Вон там, по дорожке. — Он ждал, что гости поднимутся, но они по-прежнему сидели.

— Чего суетишься? — Гость пододвинул к себе нож и начал умело крутить им, словно лопасть вертолёт. — Посидим ещё и выспаться успеем.

Егор нахмурился.

— Подойди и возьми постель, — угрожающим тоном проговорил он. — Идите ночевать в баню или валите в лес.

— Ого! — удивился гость. — Серьёзный мужик, а с виду простоват. — Он засмеялся, подёргивая краями капюшона. Ловко подбросил нож перед собой и, не дав упасть, так же ловко поймал. — Баня так баня. Жену в доме оставь. Она мерзлячка — простынет.

— В бане дрова и спички, не замёрзнете.

Гость хлопнул ладонью с ножом по столу, поднялся и, оставив его на столешнице, забрал постельное и вышел на улицу. Его жена продолжала сидеть.

— Муж не ревнив, а я за свободные отношения. Позволь остаться, я ласковая, — прошептала она чувственным голосом, сжав ладонь Егора в рукопожатии.

Он, зажав её руку в ответ, притянул женщину к себе, заставив подняться, и, грубовато добавив силы, выставил её вон, после чего закрылся на замок. Он, вылив из кружек чай, оставил их в раковине невымытыми, убрал со стола нож и, выкинув в помойное ведро бутерброд, вернулся в постель.

Жар близости обнажённого тела и влажные следы поцелуев на шее разбудили его.

Он закрылся ото сна рукой, не разобрав в темноте, что происходит, и попытался при-
встать. Но ему помешали, мягко надавив на грудь: гостя соблазнительным шёпотом попросила успокоиться. Она оказалась сверху, обхватив его ноги бёдрами, и лёгкая дрожь нарастающей страсти прокатилась по её телу. Егор провёл ладонью по её бедру, проскользил по атласной коже спины и, схватив за шею, сбросил её с себя. Но осязание шершавой колючести в основа-

нии черепа заставило его брезгливо одёрнуть руку. Женщина в ответ молниеносно вцепилась зубами в предплечье, прокусив до крови мякоть мышцы. Егор зарычал от боли, рванув её за волосы, и, взбесившись, стащил с кровати и поволок вон из дома. Гостья изогнулась, вцепилась ногтями ему в лицо, пытаясь зацепить глаза, и, прокусив ухо, зашипела, словно дикая кошка.

В темноте, зажмурившись, спасая глаза, Егор натёкался на препятствия, пробираясь к выходу. По пути он зацепился голой ступнёй за ножку кровати, ушиб пальцы ноги, свалил стул и ударился плечом о косяк.

Наконец он вырвался на улицу, сбросил на землю гадину и, отступив на крыльцо, быстро захлопнул дверь. Его неровная, ужасная с виду рана на предплечье обильно кровоточила. Кровь также сбегала на плечо из уха.

— Тварь! — громко закричал Егор, заматывая руку полотенцем. — Тварь! Тварь! Тварь!

С улицы с силой навалились на дверь так, что затрещал деревянный каркас. Темень ночи за окном смешалась с мерцающими, разнузданно пляшущими пучками света. Сруб бани стремительно разгорелся и полыхал густым пламенем, тянущимся к звёздам красно-жёлтыми языками, с избытком разбрасывая яркие искры. Дверь царапали когтями и грызли зубами, настойчиво пытаясь избавиться от препятствия. Егор ушёл с веранды в дом и, опустившись на колени, предался молитве, не обращая внимания на то, как трясётся и скрипит дом, как прогибается деревянный потолок, как с печи падают плоские куски штукатурки.

Егор проснулся, всё так же стоя на коленях, навалившись плечом на кровать. Кровавое пятно расплылось на ковре, тело ныло от усталости, и его трясло от озноба. Он стянул с раны полотенце и сморщился от того, что увидел. Разорванная зубами кожа приняла нездоровый цвет, а углубление с неровными краями заполнилось вонючим гноем. Он дотронулся до большого уха и не нащупал мочку. Глубокие царапины, избороздившие лицо, мучили пульсирующей болью.

Егор вышел на улицу и увидел следы когтей на двери и настиле крыльца. При этом баня стояла целая, нетронутая огнём. Пройдя к кустам малины, он поднял с земли разбросанные постельные принадлежности, скомкал в клубок и затолкнул в ржавую бочку с мусором.

Над рекой петлял вертолёт, и лодки, как и накануне, резали водную гладь. Второй день военные зачищали следы неизвестной трагедии.

Егор поджёт мусор в бочке, но появившееся было пламя тут же погасло, оставив лишь изломанный столбик дыма. Полив тряпки отработкой моторного масла, он повторил попытку, но огонь отказывался приживаться.

Любопытная сорока, усевшаяся на трубу бани, стрекотала — вещала по округе пернатые новости.

Егор глубоко вздохнул и, нянча пострадавшее предплечье, принёс из сарая канистру с бензином в надежде поджечь мусор с помощью горючего.

— Мы заставим зло ответить, — прозвучал за спиной мужской голос, и Егор, поставив канистру на землю, оглянулся.

В трёх шагах от него стояли двое молодых парней в военной форме — без головных уборов и без знаков отличия. Ребята были похожи как близнецы. Крепкие телом, с ясными лицами и высокими лбами. Светлые кудрявые волосы, подстриженные на один манер, словно надраенные воском, отражали солнечный свет.

— Человек не знает, где для него добро, а где зло и в какой момент случится беда. — Один из бойцов подошёл ближе и, указав на канистру, добавил: — Не боишься поджечь и себя?

Егор отнёс канистру подальше от бочки, задержался в стороне, подозрительно изучал бойцов, не зная, что ответить и как повести себя. Между тем тот, что говорил, поднял с земли камушек, поиграл им, подбрасывая на ладони.

— Ты растерялся, и это понятно. — Боец бросил камушек в бочку, и вспыхнуло пламя, стремительно разгораясь. — Но как знать, насколько полезны для тебя эти царапины на лице и

то, что осталось от уха? И насколько была бы вредна услада с чужой женой? Вся жизнь человека — испытание. Как отделить достойных и дать им жить дальше среди нас в лучшем мире от мертвецов с прогнившими душами? Если не будет бед и сложного выбора, то как тогда выбирать достойных? Только в беде срываются маски лицемерия и раскрывается человеческая душа, обнажая даже самые потаённые уголки. Подойди ближе. Мы пока ещё на твоей стороне. — Боец протянул Егору платок, сложенный ровным квадратом.

Егор взял платок, почувствовал, как от бойца пахнет сосновой смолой.

Боец размотал полотенце на ране Егора и бросил в бочку.

— Приложи платок, прямо так, не разворачивая. Натопи баню и смой скверну от нечисти. Отправляйся навестить могилу матери. Разве ты не знаешь, что в ногах матери находится рай?

Егор приложил платок, сморщившись от забившего ноздри запаха гноя.

— Вы что, не военные? — зачем-то спросил он, заранее зная ответ.

— Тебя волнует, что случилось и от чего погибли люди? — В лицо бойца светило солнце, но он не шурился.

— Там был мальчик и девушка. Они... — Егор не успел закончить: боец жестом попросил замолчать.

— Вас всех ждёт конец. И как ни выбирай этот день, вы никогда не будете готовы. Нам неизвестно, что будет с тобой, но ты должен ехать.

Возник нарастающий грохот, и белая пенистая полоса разрезала небосвод — след ворвавшегося в неведомый мир космического тела. Метеорит упал далеко за лесом, всколыхнул землю мощным взрывом.

Егор обернулся в сторону бойцов. Их не было.

Убрав платок, он обнаружил шрам от затянувшейся раны. Бросив платок в бочку с дгорающим мусором, он вернулся в дом и стал собираться в дорогу.

Вечерний прохладный ветерок охлаждал напаренное в бане тело, испарял собравшийся каплями пот. Егор сидел на скамейке лицом к реке, с голым торсом и полотенцем на шее, то и дело отмахиваясь от жадных до крови комаров. Далеко за рекой поднималось зарево, горел лес от упавшего днём метеорита. Военные исчезли, и в деревне установилась привычная тишина.

— Я приношу извинения за изжёванное ухо. Признаю, заигрались. Впрочем, так даже лучше. Вроде аккуратнее стало. — Рядом сидел вчерашний гость, по-прежнему в капюшоне.

Егор развернулся, мысленно удивился, как он не заметил приближения незнакомца. Всё, что он успел рассмотреть на лице гостя, — это дуги морщинок в углах рта, тянувшиеся от подбородка до переносицы, и крохотные лукавые глазки, правда, пронизывающие синевой.

— Я бы послал тебя к чёрту, но ты и так знаешь дорогу домой, — проговорил сквозь зубы Егор и демонстративно отвернулся, удивляясь своему спокойствию и отсутствию страха.

Незнакомец рассмеялся, нахально искривив рот.

— Не понравилась тебе моя жена? Может, ты со всеми бабами так? Ну признайся, возжелал её? Красивая? Красивая, не спорь. У меня вкус отменный. Сколько лет ты один? Наскучался, наверное, по женской ласке?

— Если такой ласки, что на роже осталась, так и не надо вообще. — Егор поднялся со скамейки и направился к дому.

— Я извиниться пришёл, — прокричал гость обиженным голосом. — Ну, хочешь, я дверь почию? Ты за ухо обиделся, что ли?

Егор зашёл на веранду и закрыл дверь на замок. Повернулся. Возле закипающего на плите чайника, который только что стоял на столе холодным, сидел гость, задумчиво расставив локти на столешнице и подперев кулаками голову.

— Вот я падок на женщин. И вашего, и нашего рода, всё равно. Всё могу вытерпеть: и голод, и холод, но не воздержание. Так и сгорю в аду из-за этой страсти. Я вчера бутерброд тут оставил, можно доем?

Егор придвинул ногой мусорное ведро, на дне которого валялся бутерброд.

— Угощайся.

Гость привстал, заглянул в ведро и, отрицательно помотав головой, возразил:

— Не буду: мухи обосрали. Я чай с сахаром попою. Жадный ты. Наверное, небогато живёшь... — Незнакомец налил в кружку кипяток, положил три ложки сахара, размешал, отхлебнул и поморщился. Добавил ещё три ложки сахара, тщательно размешал, стал пить. — Я, к примеру, от женских ног без ума. Кто-то не согласится со мной и скажет, что главное — грудь. Другой дурак — назовёт глаза, а кто-то — волосы. Я ещё пойму того, кто пускает слюни на задницу, всё ближе к ногам. Но это их заблуждение: красота — в ногах. Пусть даже страшненькая на лицо, но с ногами как мачты, и я не замечу уродства.

Видел, какие ножки были у той на берегу? Грудь так себе, но ножки... Не оценил? Я так и подумал. Ты наслаждался когда-нибудь видом женских ступней, покрытых переплетением дорожек вен в тусклом свете? Тонкие, длинные, словно ласты, или крохотные, как у куклы. Могу поклясться: ты никогда и не думал об этом. А икры? В форме овала или трапеции, с узким основанием и широким верхом? А эта продольная канавка крепления мышц? Колени острые, как средневековый таран, или плоские, слегка заметные, слившиеся с единой линией ноги? Ты наслаждался прикосновением ладони к нежной коже бедра и видом его перехода в ягодицу? Впрочем, кого я спрашиваю! И неважно, какой формы ноги. В виде икса или дуг, длинные или короткие, лишь бы не толстые. Ну а если они покрыты загаром или украшены капроном чулок, так это — дополнительный бонус.

Гость выпил чай и налил себе ещё. Он снова бросил в кружку три ложки сахара и отхлебнул, сморщившись, взял сахарницу и насыпал сахар в кружку до краёв; по столу разлилась вытесненная законом Архимеда жидкость.

— Что эти сказали? Одинаковые с лица. Что ещё случится? Я предчувствую беду. И мне беспокойно чего-то.

— Не знают они ничего. А тебе пора уходить. Время для молитвы. Или со мной помолись?

— Даже не думай молиться, пока я здесь. Будь человеком, дай чаю попить! Врут они, что не знают! Делиться знаниями не хотят. Они — предвестники бури, стражи порядка в вашем и нашем мирах. Раз появились, забудь о спокойствии. Миры ждут потрясения или, хуже того, гибели. Они не сказали, что произошло с той куклой, лежащей в заливе? Автобус с парома упал? Это враньё! Произошёл выброс токсичных паров неизвестного происхождения из-под земли. Образовался провал, освободивший из недр ядовитый туман, окутавший местность на несколько километров, убивший жителей трёх посёлков и пассажиров двух поездов. И заметь, тела не тонут. Белёсый налёт не даёт утонуть. — Гость черпал намокший в кружке сахар, пережёвывал, скрежеща кристалликами на зубах.

— Чай можешь по дороге доесть. Сахарницу дарю. — Егор пробарабанил по деревянной стене пальцами, давая понять, что гостю стоит поторопиться.

Тот расплылся в лицемерной улыбке, изображая благодарность.

— Угодил. Такой подарок. Ты как сестра милосердия — символ добра и бескорыстия.

Гость открыл ящик стола и беспорядочно нахватал столовых приборов, наполнил ими карманы. Затем резко вскочил, распахнул холодильник, достал две банки тушёнки и тоже засунул в карманы. Зажал сахарницу под мышкой и с кружкой в руках направился к выходу, продолжая забрасывать сахар в рот. Остановившись у двери, он вопросительно посмотрел на хозяйку.

— Открыть не сможешь?

— Попробуй лбом, — предложил Егор.

— Я и другим местом могу попробовать, вот только руки заняты — ширинку расстегнёшь? Будь добр.

— Давай сам зубами, раз такой способный.

— Злой ты и жадный, ничего человеческого в тебе нет, — подсадовал гость и толчком ноги открыл дверь.

Глава 2

Мягкие шаги и шорох ночной рубашки приблизились со стороны печи, и вес уставшего тела отпечатался на краю кровати, в ногах. И снова он не открыл глаза, не шелохнулся. Дыхание стало тише и осторожнее, словно он стеснялся самого факта своего существования.

Он лежал настороженно, чувствуя её присутствие, слабея от недостатка воздуха, и наконец произнёс:

— Я приеду к тебе, мама. Послезавтра приеду. — Егор поднялся с постели, испытывая волнение из-за предстоящей поездки.

Пять лет пробежали на одном месте. Он привык к одиночеству и тишине. Он уже чувствовал напряжение в преддверии многолюдности и городской суеты.

На противоположном берегу полыхал пожар, от масштаба катастрофы захватывало дух. Серый дым дырявым покровом накрывал поверхность воды, ухудшая видимость. Чёрные испуганные фигуры животных, спасавшихся от огня, переплывали реку, стремясь к безопасному берегу. Одни доплывали, стряхивали капли воды с промокших шкур, другие уходили под воду и больше не показывались. Он долго стоял, всматриваясь в ужасное действо, не в силах оторвать ошеломлённый взгляд, и сердцу сделалось ещё беспокойнее. Не позавтракав, он надел свою лучшую одежду, бросил рюкзак в двадцатилетний пикап, напоследок обошёл огород, убрал в сарай инструменты. Заметил надломленную ветку малины, вернулся в дом, взял кусок ткани, подвязал ветку, закрыл дверь на замок, сел в машину.

Дорога до города оказалась свободной, и лишь перед мостом появились попутки, выстроились на переправе в пробку в несколько километров. Машины скопились перед мостом не только по направлению к городу, но и в обратном направлении. Явных причин для сутолоки вроде не было, и Егор напрасно пытался обнаружить аварию или дорожных рабочих, производивших ремонт.

Он направлялся в аэропорт наугад, надеясь приобрести билет какого-нибудь передумавшего. День только начинался, и Егор не торопился, понимая, что если не улетит сегодня, то завтра — обязательно. Но окружающие вели себя иначе. Они нервничали, опаздывали, беспрерывно сигналили в беспомощной злобе, раздражались нерасторопностью впереди стоящих. Егора выводили из себя наглецы, неотъемлемая часть любого народа: они обходили пробку по обочине, разгоняя щебёночную пыль и увеличивая время стояния сознательных граждан.

Чёрный универсал, потускневший от времени и уставший вдыхать пыль, перекрыл обочину, закрыл обход пробки, быстро собрал очередь из потерявших совесть водителей. Пробка поползла быстрее, но не настолько, чтобы радовать особенно торопящихся.

Из последней машины, остановленной на обочине, вышел крупный мужик с широкими ладонями и стриженным затылком. Похлопав ладонью по стеклу водителя, державшего обочину, он попытался договориться. Герой не вышел, даже не опустил стекло. Крупный мужик размазал пятернёй липкий пот по стеклу водителя, неуклюже лягнул дверь, оставив вмятину. Это заставило героя, оказавшегося угловатым хлыщом лет тридцати, выскочить пакостнику навстречу и налететь на него, словно петух на кабана. Смешно подпрыгнув, он зарядил кулаками в морду крупного мужика, но удары не достигли цели. Крупный мужик свалил героя на землю, стиснул руками его голову, ударил его затылком о серые неровные камни обочины. Водительская дверь универсала распахнулась, явив салон и сидящую в нём женщину, ровесницу героя. Она, направив травматический пистолет на дерущихся, целилась в стриженный затылок, медлила стрелять, видимо, опасаясь попасть в героя.

Резиновая пуля встряхнула голову крупного мужика, уложив его на асфальт. Расстроенным движением, опираясь рукой на врага, герой поднялся, быстро вернулся в машину. Сорвавшись с места рывком, универсал понёсся к мосту, оставив на обочине то ли живого, то ли мёртвого противника. Проскочив пробку и въехав на мост, универсал поспешил вклиниться в поток, но аккуратно не вышло. Расцарапав бок внедорожника, он нелепо раскорячился, прижался к тротуару. Из внедорожника вывалились трое: один низкорослый лет пятидесяти и два высоких лет двадцати. Вытащив героя, начали его бить, не торопясь, давая возможность приложиться каждому.

Женщина, молодая, но страшненькая лицом, с тонкими, словно палки, руками, вышла из универсала и второпях расстреляла оставшиеся патроны. Подстреленный двадцатилетний упал на колени, закрыв руками лицо и выкрикивая сквозь преграду ладоней однообразные проклятия. Остальных пули не заделали.

Двое выбили у женщины пистолет, вытолкали её на тротуар, прижали к перилам, заломили ей руки, пытаясь уронить. Она сопротивлялась, отмахивалась, пиналась и царапалась, не позволяя себя повалить. Пятидесятилетний, воспользовавшись малым ростом, увернулся от удара ноги, поймал и крепко обхватил конечность. Подавшись вперёд, подбросил ногу жертвы вверх, перекинул через перила. Женщина спиной полетела с моста в воду, не успев даже вскрикнуть. Герой, издав протяжный крик, вцепился в горло низкорослого, повалил его на тротуар, навалился сверху, пытаясь задушить. Удары по голове отобранными у женщины пистолетом заставили его отвалить — он растянулся на тротуаре без сознания.

Универсал растерянно стоял на мосту около полуживого хозяина, безразлично пропуская мимо других участников движения, в то время как поцарапанный внедорожник в потоке пробки пробирался в город в надежде затеряться и уйти от ответственности.

Город походил на повреждённый муравейник. Вереницы машин и толпы людей, наряды полиции и звуки сирен свидетельствовали о недобрых событиях, происходивших в стране.

Добравшись до аэропорта, Егор вошёл в здание, стал озираться в поиске кассы. Его толкнули, ударив в корпус — он столкнулся с девушками, идущими навстречу, неловко вклинился в узкое пространство между ними.

— Куда прёшь, урод? — зашипела одна, ткнув его в бок локтем.

Другая с брезгливостью на лице надула красные губы.

Егор услужливо шарахнулся в сторону, пропуская девчонок и удивляясь себе: как он не заметил столь яркую преграду?

Вид девушек вызывал аналогию с волнистыми попугайчиками. Такие же разноцветные и пёстрые, заметные издали. Возраст чуть за двадцать. Одна выше. Та, что ниже ростом, — бойкая и задиристая, вторая — поспокойнее.

Задиристая — в свободных брюках из тонкой ткани, разукрашенной разноцветными мазками. Узкие ступни прикрыты ремешками туфель на платформе и с блестящими осколками страза. Чёрная кофточка без рукавов с косой линией низа оголяла живот с татуировкой в виде порхающей бабочки. Засаленные длинные чёрные волосы накрывала огромная бейсболка кремового цвета с вышитым иероглифом.

Вторая девушка была в высоких чёрных ботинках на шнуровке, синих рваных на коленях джинсах, чёрном топе с белой отстрочкой, оголяющем живот выше пупка. Поверх — длинное до пола пальто из искусственного меха, белое, украшенное символами анархии. Синие волосы собраны в два хвоста. На руках браслеты из разноцветных камушков. На шее — кожаный чокер с черепами из серебра. В ушах — закрывающие мочку серёжки в виде пауков. А на щеке — кобра: то ли татуировка, то ли аквагрим. Это обилие акцентов рассеивало внимание смотрящего, вводя в замешательство и заставляя видеть вместо человека огромную куклу.

— Оставь его. Он и вправду урод, — проговорила кукла и потянула подругу за собой.

— Как таких в аэропорт пускают? — распылялась та, что ниже ростом, смешно выглядывая из-под огромной бейсболки. — Он мне руку соплями испачкал. Смотри, вот тут.

Егор, не желая выслушивать оскорбления, поспешил ретироваться, направившись к кассам и сделав вид, что не имеет никакого отношения к человеку, охаянному девицами.

— Хочешь, я заткну навсегда эту крашеную фурию? — Возле касс стоял гость в капюшоне худи, облокотившись на голову неизвестного гражданина, завязывающего шнурок на ботинке.

— Не хочу, — огрызнулся Егор, стараясь скрыть удивление от встречи.

— Тогда воспитательный приём на моё усмотрение, — не унимался гость, продолжая наваливаться на гражданина и не позволяя тому подняться.

Девушки удалялись, пересекали терминал. Та, что ниже ростом, оглянулась, выискивала глазами Егора, но тут же споткнулась о невидимую преграду, жёстко и комично растянулась на полу, ударившись головой — так громко, что было слышно у касс.

— Ты не обижайся на них. Ведь ты и вправду урод, — рассмеялся гость, шуря и без того маленькие глазки. — Твоей рожей полицейских пугать можно, да чего уж мелочиться — бойцов элитного спецназа. — Гость хихикал, не в силах сдерживаться. — На твой рейс есть три билета. Возьми место A22 у иллюминатора. Да не рыпайся ты, дурачок. — Просмеявшись, гость кивнул в сторону свободного окна кассы, вlepил подзатыльник гражданину, пытавшемуся подняться.

Гражданин, не понимая, что происходит, рвался встать, но не мог.

Егор протянул кассиру паспорт и замешкался с ответом, когда предложили на выбор три места, одно из которых — A22.

— Ты правильно сделал, что послушался. Я не враг. По крайней мере пока. Буду сопровождать тебя, и не спорь: это задание от близнецов. Своего рода кара для меня из-за несоблюдения меры. — Гость скалился, поглядывая на обессиленного гражданина, смиренно сидевшего на заднице и ошалелым взглядом провожавшего проходящих мимо него посетителей аэропорта. — Ещё увидимся, — выкрикнул гость и направился в сторону эскалатора, следом за разодетыми девицами, одна из которых поглаживала ладонью голову.

Егор не видел сына пять лет. Первое время часто звонил, радуясь голосу пусть уже и взрослого, но его ребёнка. Потом сын стал отвечать реже, не перезванивал, и количество контактов сократилось до двух: на Новый год и день рождения. В этом году сын забыл его поздравить, чем оставил в сердце отца непроходящую обиду.

Егор припарковал пикап возле трансформаторной будки, обнесённой забором из металлической сетки. Он вышел на тротуар около свежестроенной высотки, улыбнулся воробьям, растаскивающим на крошки корку белого хлеба.

Сын открыл не сразу, долго смотрел в глазок, пытаясь понять, кто звонит, и предугадать, что понадобилось пришедшему.

— Ты как тень забытого прошлого, папа. Появляешься неожиданно, когда меньше всего этого ждёшь. — Сын глубоко вздохнул и обернулся на звук упавшего небольшого предмета. — Ты постарел, я не сразу узнал тебя. Иногда я забываю, что ты ещё жив.

Егор отвернулся, спрятал лицо в темноте, скрывая обиду.

— Подожди внизу, я сейчас спущусь. — Сын захлопнул дверь и стал кому-то что-то объяснять.

Егор нажал кнопку лифта, но он задерживался, и он спустился по лестнице.

Через пятнадцать минут вышел сын.

Он стал ещё выше и крепче, чем пять лет назад. Морщинки на лбу и усталый взгляд, вероятно, могли быть следствием стресса, а нездоровый цвет лица и шелушение на щеке — следствием пристрастия к алкоголю.

— Я лечу к бабушке сегодня вечером. Хотел машину под твоим присмотром оставить на несколько дней. — Егор вышел навстречу сыну, почему-то стесняясь самого себя. — Что происходит в городе?

— В городе?! В стране! — воскликнул сын. — Государственный переворот. Границы обстреляны Западным блоком. Война не война, но точно начало чего-то. Не то время ты выбрал, чтобы летать.

— Мне твоя бабушка снится через день. Навестить её надо. Самолёт вечером. Посидим где-нибудь? О себе расскажешь? — Егор сжал кулак в ожидании ответа.

— Не могу. У меня дома... Я занят. — Сын оглянулся на окна своей квартиры. — Может, когда прилетишь? А пикап оставляй, присмотри.

Егор прошёл всего один квартал и свернул с проспекта, нашёл тихий и ещё зелёный дворик со свободной скамейкой у подъезда, без спинки, покрашенной бесцветной грунтовкой. На скамейке были рассыпаны мёртвые листья берёз, тут же раскинувшихся и постепенно сбрасывающих листву в ожидании холодов.

Сев на скамью, он поднял большой лист, взял кончиками пальцев за низ черешка, стал любоваться чудом создания Творца.

— Чего заки? Что он тебе сказал? — Гость сел рядом, не удосужившись смахнуть листья.

Егор пожал плечами, вроде как отказываясь отвечать. Но, посидев с минуту, заговорил:

— Я жил одиноко, но не ощущал себя таковым. Сейчас понял, что на деле одинок. Ещё живы бывшие друзья, есть жена и сын, но толку от этого мало. Всё равно что мертвы для меня, да и я для них мёртв.

Гость бросил камень в голубя, важно расхаживающего по двору, и тот, получив удар, упал набок, забил крыльями.

— А я думаю, чего вы так быстро наговорились? Отец и сын давно не виделись, а говорить не о чем. Еле успел засадить той в квартире. Принял облик твоего сына и развёл на быстрый секс. Руки у неё грубые и шершавые. И перегар вчерашний. Ты знал, что сын мошенник? Банковскими картами промышляет. А девица в квартире — легавая, под прикрытием работает. Она его посадит, хотя он ей нравится. Нутро у неё казённое. Присяга превыше всего. В её сумочке в переднем кармане белая флешка. Успела с компьютера улики скачать. Хочешь сыну помочь? Позвони, пусть её грохнет.

По двору проехал автомобиль, с хрустом раскатал бывшего голубя. Марка машины и цвет совпадали с маркой и цветом машины жены Егора, на которой она ездила пять лет назад.

Он вспомнил тот вечер. Тоже была осень. Выпал первый снежок, и Егор долго стоял у ворот частного дома, своего дома, но у него не было ключей. Он выписался из больницы после покушения, был легко одет — без шапки, с открытой для снега и холода пластиной в голове. Ждал жену, она приехала. Так же мягко, как и сейчас, шурша резиной по асфальту, вывернула передние колёса перед тем, как сдать назад.

Жена подошла вплотную, ещё издали спрятав эмоции под маску безразличия. Поёжившись от ветра и снежинок, попавших за воротник, через силу выдернула из себя слово, сбившись от волнения в начале разговора.

— Это мой дом. Ты здесь больше не живёшь.

— Документы, что ты подсунула, были на дом? Вместе с бумагами на передачу бизнеса? Это их я в больнице подписал? — Егор оставался спокойным и собранным, лишь с неприятным для жены укором, пронизывающим её глаза. — Ты воспользовалась моим ранением и слабостью. Я плохо соображал и доверился тебе. Ты сказала, что нужны деньги на лечение, и я подписал.

— Доверенность там тоже была. Я забрала всё. — Жена не выдержала тяжёлого взгляда Егора, опустила глаза. — Этот мир жесток, здесь каждый сам за себя. Ты бы лишил меня денег, и я просто переиграла тебя.

— Мир такой, каким ты его видишь. Жаль, что ты видишь его перевернутым. Ты изменяла, и я не мог делать вид, что это нормально. Впрочем, что говорить об этом. Я хочу забрать пикап, он остался от отца и тебе не принадлежит.

— Забирай. В нём лежат твои вещи. — Жена открыла ключом калитку ипустила его.

Перед воротами стоял пикап, засыпанный снегом. Егор взглянул на дом, когда-то построенный по придуманному им эскизу. Жена ушла за ключом от пикапа, осторожно ступая по дорожке, ещё не до конца выложенной тротуарной плиткой, не законченной хозяином дома по причине ранения.

— Возьми, на первое время хватит. — Жена протянула ключи от машины и деньги.

Егор забрал ключи, от денег отказался. Сел в машину и завёл двигатель.

— Возьми, это тебе от меня. — Жена открыла дверь машины, протянула банкноты.

— Не надо. — Егор включил дворники, расчищая заснеженное стекло.

— Не изображай из себя мученика, ты сам во всём виноват. Ты всегда был дураком, доверяющим людям.

— Мне поздно меняться, доживу жизнь таким, какой есть. Я не в обиде на тебя. Ты поступила так, как поступили бы многие. Почему не добились? Что помешало выстрелить во второй раз?

— Ты думаешь, это я устроила? — Жена словно подавилась словом.

— Кому пришлось первому на ум? Тебе или Сашке? Хотя уже неважно. Ему — бизнес, тебе — имущество, а мне — пуля в голову. Если делаешь что-то, делай хорошо. Хотели убить — почему не убили? Ворота открой. — Егор пристегнулся и, перед тем как уехать, добавил: — Не вижу блеска в глазах и радости победы! Постараюсь помнить о тебе только хорошее.

Вагон метро плавно покачивался при разгоне и наваливался вперёд, притормаживая. Егор возвращался в аэропорт, когда миновал час пик. Он сидел, задумавшись, с рюкзаком на коленях, в который раз перемалывая прошлое, не дававшее покоя. Гость тоже был в вагоне, прохаживался между людьми, с едкой улыбкой читал переписку в телефонах.

— Как думаешь, сколько лет тюрьмы дадут твоему сыну? Посадит его эта шлюха. Посадит. Вот попомнишь меня. — Гость уселся рядом, развалившись со стороны дверей. — Что ты за отец, если не хочешь помочь сыну? Или ты переживаешь, что он убьёт её? И пусть. Тебе-то чего? Нет, мне даже интересно, как ты поступишь. Вот дилемма! Как же поступить? Рассказать сыну и спасти его свободу, но погубить при этом девушку или спасти девушку, но посадить сына? Может, сначала предупредить девушку о провале прикрытия, а потом предупредить сына? А что, если дать девушке уйти, а потом рассказать сыну? Нет, так флешку не забрать, а там улики... Что же делать? Или ну их? Пусть идёт как идёт. Рейс через пару часов.

Егор достал телефон, нажал кнопку вызова сына, но тут же передумал, отменил.

— Хочешь спасти и её, и его? — Гость радостно подпрыгнул на месте, разве что не хлопая в ладоши. — А получится? Думаешь, получится? Но если за двумя зайцами сразу, то сам понимаешь...

— Я бы её предупредил, но не знаю номера, — проговорил Егор, глядя на экран телефона.

— Решил пожертвовать сыном? А что, правильно. Закон превыше всего. Я знаю её номер. Звони.

Егор приготовился набрать номер, но гость накрыл экран ладонью, осуждающе покачал головой.

— Со своего звонить собрался? Она же тебя вычислит. — Гость резко выставил ногу вперёд, поставив подножку входящему в вагон молодому человеку. Тот упал, выронил телефон, который тут же был подхвачен рукою гостя. — На, звони с этого. Да не тормози, я верну потом.

Егор набрал продиктованный ему номер и дождался ответа. Голос девушки оказался грубым. Спросила, кто звонит, потом звонко закашлялась, заставив Егора отвести телефон от уха.

— Роман рядом с вами? — спросил Егор, на ходу выстраивая линию разговора.

— Да. А вы кто?

— Можете уйти в другую комнату или в ванную?

— Не совсем удобно. Что вы хотели?

— Предупредить. Оставьте флешку с уликами незаметно на столе и немедленно уходите. Роман всё узнает, и тогда... Сами понимаете, что произойдёт.

— Не понимаю, о чём вы. Вероятно, вы ошиблись номером, — девушка отключилась, и Егор вернул телефон гостю.

Парень, упавший на входе, растерянно искал телефон: ощупывал карманы и заглядывал под сиденья. Гость метнул телефон парню под ноги, и тот, наступив на него и сломав стекло, раздосадованно поднял трубку, поводил по экрану пальцем, изучая нанесённый ущерб и подсчитывая трещины.

— Я не пойму. Они видят тебя или нет? Или только я тебя вижу? А другие, как ты, есть? — Егор повернулся к гостю.

— Другие есть, разумеется. Вон тот мужик и та женщина — из наших. — Он помахал паре, и те ответили тем же. — Скоро привыкнешь и начнёшь различать. А эти, из ваших, меня не видят. Видят только тогда, когда мне надо. Но они видят тебя. И слышат, как ты разговариваешь со мной. Что они думают о тебе? «Мужик с половиной уха, в шапке с помойки и с расцарапанным лицом говорит сам с собой». Ты не заметил, что тебя сторонятся? Люди думают, что ты сумасшедший.

Егор посмотрел на пассажиров в вагоне. Люди косились на него, старались держаться подальше.

Поезд подъехал к нужной станции, и Егор, подхватив рюкзак, поспешно выскочил на платформу.

— Сыну звони. Сыну надо сказать. — Гость бежал следом, хватал за рюкзак.

Егор остановился.

— А если она ещё не ушла?

— Ушла, ушла, я точно знаю, — волнуясь, проговорил гость, остановился рядом. — Звони, а то будет поздно. Загребут сынка на десятку лет.

Егор набрал сына и, не дав тому ничего сказать, начал:

— Она из полиции. У неё в сумке флешка белого цвета с уликами против тебя. Езжай в дом у залива. Ключи в стеклянной банке, под крыльцом.

Сын молчал. Егор фоном услышал грубый голос девушки на дальнем плане, прощавшейся из прихожей.

— Вика, подожди, я провожу, — проговорил сын. После короткой паузы добавил: — Спасибо, папа.

Егор продолжал держать телефон, понимая, что только что запустил событие с трагическим концом.

— Может, обойдётся, — наигранно успокаивал гость.

Его глаза гадостно сияли.

— Пошёл вон, — прорычал Егор и направился к эскалатору.

Глава 3

Неприятное предчувствие, появившееся в зоне вылета, оправдалось, когда он увидел «волнистых попугайчиков», вставших в очередь на посадку на его же рейс.

«Может, полетим хотя бы в разных частях самолёта...» — понадеялся Егор, встал в хвост очереди и принялся тереть потными пальцами посадочный талон.

Место 22А оказалось в середине салона, с левой стороны у окна — третьим в ряду. Остальные два места заняли «разноцветные» девушки. Синеволосая развалилась у прохода, а та, что ниже ростом, кисло сморщила личико, увидев рядом неприятного им типа.

— Только не это! — воскликнула она. — Ты издеваешься, мужик!

— Прошу вас, пропустите. Потерпите, лететь недолго. — Егор миролюбиво улыбнулся, надеясь на понимание.

— Какое недолго! — закричала та, что ниже ростом. — Поищи другое место, дядя! Я с тобой сидеть не буду.

Егор мялся в проходе, мешая другим пассажирам, и это заметила стюардесса. Она немедленно протиснулась в зону конфликта.

— Что происходит, гражданин? Вы мешаете посадке, — проговорила она, пытаясь выяснить причину.

— Я бы хотел сесть на своё место, но девушки против, — ответил он, одновременно вытянувшись в струну, надеясь таким образом меньше мешать остальным.

— Посадите к нам того красавчика, а этого на его место, — предложила та, что ниже ростом, нагло шурясь из-под бейсболки.

— А может, мне из службы безопасности красавчика привести? Чтобы из самолёта вас вывел? Быстро пропустите мужчину, или никуда не полетите, — стюардесса, сохраняя внешнюю приветливость, говорила жёстко и угрожающе.

Девушки нехотя подняли задницы и пропустили Егора. Дождавшись, когда он займёт место, та, что ниже ростом, упростила подругу поменяться местами.

— Кира, сядь ты с ним. Я его боюсь. Ну пожалуйста, я прошу, будь хорошей!

Синеволосая заняла место посередине, наклонившись в правую сторону, явно не желая прикасаться одеждой к неприятному незнакомцу.

— Сидел бы ты, дядя, дома! Куда намылился? — продолжила задираться та, что ниже ростом. — Что у тебя под шапкой? Вши? Ящерицы и змеи?

Егор отвернулся к иллюминатору, разглядывая в темноте ночи огни взлетающих лайнеров. Девушки шутили меж собой, посмеиваясь над ним, но их оскорбления не задевали его самолюбия. Перед его мысленным взором стояла картина с берега залива: на камнях полуобнажённое тело такой же девушки, как эти, и, возможно, так же при жизни презиравшей простоту.

Самолёт покатился к точке набора скорости.

— Фу! — воскликнула та, что ниже ростом. — Чем так пахнет? Наверное, дядя обделался от страха!

— Дамы и господа, мы готовы к взлёту и просим убедиться, что вы застегнули и затянули ремни безопасности, — проговорил командир корабля приятным голосом.

— Чего, дядя, боишься летать? А если самолёт упадёт? — широко скалясь, продолжала подтрунивать та, что ниже ростом.

— Уберите откидные столики и опустите подлокотники. «...За то, что дочери Сиона надменны и ходят, подняв шею и обольщая взорами, и выступают величавою поступью, и гремят цепочками на ногах, — оголит Господь темя дочерей Сиона и обнажит Господь срамоту их...» — из динамиков самолёта продолжал вещать голос командира корабля, вводя в недоумение как пассажиров, так и бортпроводников. — «...И будет вместо благовония зловоние, и вместо пояса будет верёвка, и вместо завитых волос — плешь, и вместо широкой епанчи — узкое вретиче, вместо красоты — клеймо»¹.

— Что он говорит?.. — удивлённо пробормотала та, что ниже ростом.

Самолёт оторвался от земли, и ночь за стеклом иллюминатора осветилась яркой вспышкой. Лайнер сильно тряхнуло и потянуло вниз.

¹ Библия, Ветхий Завет, Книга пророка Исаии, глава 3, стихи 16–23.

Егор вжался в кресло, упираясь ногами в спинку сиденья перед собой. А лайнер слегка накренился вправо, жёстко ухнул, скребя фюзеляжем о землю, вывернулся и смял не до конца убравшееся шасси.

Визг девиц оглушил правое ухо Егора, смешавшись с криками других пассажиров. Свет в салоне погас, оставив гореть лишь указатели аварийного выхода. Самолёт, пробороздив поле, стал замедляться, покачиваясь, принимая устойчивое положение.

Люди, не дожидаясь полной остановки, повскакивали с мест, выдёргивали вещи из багажных отсеков.

Та, что ниже ростом, расстегнула ремень безопасности и, взглянув на подругу, выскочила в проход, где оказалась зажатой между спинкой сиденья и пюзом грузного пассажира.

Нарастающий гул со стороны хвоста самолёта накрыл находившихся в салоне, корпус сотрясло от удара в левый бок. В сторону Егора посыпались вещи, кожаная женская сумка упала на колени. По его голове, рядом с вросшей пластиной, прокатился светильник с хвостами проводов, завалился за переднее кресло.

Крыло другого самолёта, который, как оказалось, налетел сзади, вошло в салон, вспарывая его вдоль до кабины, разбивая иллюминаторы, сминая кресла и разрезая на части людей.

Егор увидел через прорубленный коридор, через обтекатель лайнера, как другой пассажирский самолёт жёлтого цвета, пролетев десятки метров, рухнул впереди, загорелся и взорвался.

Взрывная волна подбросила Егора вместе с креслом, накрыла огнём кабину. Стоны покалеченных и крики ещё живых единым воем обсыпали кожу мурашками, побелив лицо из-за оттока крови. Быстро распространяющееся от кабины пламя ограничило время на принятие решения.

Егор вскинул голову. Самолёт, налетевший на них, врезался крылом буквально над его головой, проделав дыру, сквозь которую были видны звёзды и хвосты падающих на город болидов. Проём был так близко, что можно было, сидя, дотянуться до него рукой.

Он расстегнул ремень и дотронулся до плеча синеволосой. Девушка, ошарашенная происходящим, не понимала, что от неё хотят. Егор отстегнул её ремень, схватил за руку и поволок за собой. Осторожно, стараясь не порезаться об острые, как ножи, торчащие куски обшивки, вылез наружу, протянул руку синеволосой. Та замешкалась, и пришлось на неё заорать. Он поднял её наполовину, но сразу вытащить не смог. Она застряла, зацепившись пальто за неровные края дыры. Егор стиснул тонкую шею девицы широким обхватом ладони, свободной рукой содрал с её плеч пальто. Выволок «куклу» наружу, поставил на ноги, успел заметить кровь из резаной раны на её голом колене.

Жар пламени и чёрный дым затрудняли дыхание, выцарапывали глаза. Егор, не отпуская руку девицы, почему-то боясь её потерять, пробежал по фюзеляжу до крыла, надеясь прыгнуть сначала на него, сократив высоту падения на землю. Крыло было обломлено и лежало на земле; всё, что осталось от него, — это кусок крепления к корпусу: небольшая с острыми краями площадка, едва ли подходящая для точного прыжка.

Обхватив попутчицу за талию, он прыгнул. Приземлился удачно, но не удержался на ногах. Они свалились на землю, пропитанную керосином, измазав лица и одежду липким горючим. Сначала на четвереньках, а затем, поднявшись на ноги и скользя по грязи, вставая и падая, они отползли от самолёта, который уже полыхал, как огромный костёр.

Только они отползли, как земля, пропитанная горючим, загорелась, но огонь остановился в метрах десяти от них, обдав нестерпимым жаром. Пятясь, они отползли подальше, увеличив безопасное расстояние.

Из огня вырывались люди, горящие на бегу, словно факелы для передачи эстафеты. Один упал, не добежав до Егора нескольких шагов, и, беспомощно изгибаясь, подпаливал под собой уже увядшую траву.

Егор бросился человеку на помощь, на бегу стянул куртку, чтобы сбить пламя. Куртка загорелась, опалив пальцы. Егор не подумал, что ткань пропиталась горючим. Он выбросил горящую куртку, стал суетиться, не зная, как помочь. Через несколько секунд горящее тело затихло, и Егор обессиленно уселся на землю, пялясь безумевшими глазами на людей-факе-лов, тут и там разбросанных на земле.

— Эй, очнись. Слышишь меня? — Синеволосая трясла его за плечо. — Что делать-то? От них горелым мясом воняет. Меня тошнит.

Девушка отошла, и её вырвало. Егор поднялся и пошёл в сторону здания аэропорта. Аэропорт казался обесточенным, и только свет от пожаров освещал пространство, да ещё примерно в десяти километрах к западу горел город, украшая край горизонта мигающей полосой.

Здание аэропорта оказалось разрушенным, огромная воронка поглотила большую часть. Белый на фоне черноты ночи туман застилал землю, выбираясь в месте провала, и медленно, но неотвратимо поднимался к небу. Егор замер при виде живых и полуживых людей, растерянно шатающихся и выползающих из-под завалов. Туман приблизился, уже поднялся до пояса, расползался дальше и выше, подбирался к лицу.

Егор провёл ладонью по наползающей пелене, и пальцы ощутили маслянистый налёт. Люди, утонувшие в тумане, падали, давясь кашлем, разрывающим грудь изнутри. Он почувствовал горький привкус во рту. Попятился и, натолкнувшись на кого-то, обернулся. Синеволосая, с размазанным по щеке изображением кобры, тёрла слезящиеся от тумана глаза. Он отступил, посмотрел по сторонам в поисках спасения. Пожарная подъёмно-спасательная машина одиноко стояла в стороне, мигая проблесковым маячком; дверь была открыта.

Егор побежал к машине, надеясь добежать, не потеряв сознание по дороге. Он забрался в салон, ухватился за руль. Двигатель работал. Синеволосая, опираясь окровавленными коленями на высокую подножку, протискивалась в ещё не закрытую дверь. Он втащил её в кабину, протолкнул между собой и ободом руля, кинул на сиденье рядом. Нажал на газ, качнув дверь, с грохотом захлопнул её на ходу. Фары ощупью проложили дорогу, освещая корпуса застывших без движения самолётов.

Егор смял металлический забор и вырвался на дорогу, тут же уткнувшись в пробку из легковых машин. Сдав назад, пожарная машина съехала на обочину и дальше на поле, обходя пробку и подбрасывая водителя с пассажиром на неровностях. Возле городского шоссе, ненадолго застряв в придорожной канаве, машина взобралась на откос, едва не перевернувшись на излишне крутом подъёме, выскочила на твёрдое покрытие и помчалась в город, разбрасывая комья грязи с колёс.

Кашель раздирал лёгкие, из носа потекла кровь. Егор гнал машину, терпя боль и пытаясь как можно ближе подобраться к городу. Редкие встречные легковушки слепили глаза фарами, призывно гудели, шарахались в сторону обочины. Машина виляла: пересекала ось дороги, выбираясь на встречку, и затем возвращалась на свою полосу. Больше не имея сил терпеть, Егор остановился на границе города, заняв длинным кузовом остановочный карман для общественного транспорта. Вяло выбрался из кабины и, шатаясь, отошёл в темноту, склонился у кромки земляного полотна. Его тошнило, кашель раздирал грудь, а нутро вытягивало наизнанку от смолянистой едкой горечи.

Светало. Когда Егор пришёл в себя, обнаружил себя лежащим на каменистой обочине. Болел живот, першило в горле. Сил, казалось, не было даже на то, чтобы встать, но он, стиснув зубы, всё же поднялся.

Пожарная машина по-прежнему тархтела, а проносившиеся мимо автомобили словно не замечали, её. Он забрался в салон. Синеволосая спала, привалившись к двери. Её верхняя губа и ноздри были испачканы кровью, а на одежде виднелись остатки рвотной массы.

Егор дотронулся до руки девушки, та очнулась и, испугавшись спросонок, удивлённо уставилась на него.

— Я к сыну. Тебя где посадить?

Девушка, вспомнив представшего перед ней человека, отрицательно замотала головой. Она успокоенно закрыла глаза, навалилась на спинку сиденья и снова забылась во сне.

Егор продолжил движение, крадучись, проезжая перекрёстки, боясь быть остановленным полицией, но, казалось, никому не было дела. Только возле театра ему запретили проезд. Всё, что осталось от исторического здания, — фасадная стена с колоннами в греческом стиле и безголовые туловища каменных львов, когда-то украшавших вход.

На севере города горели высотки, напоминая гигантские свечи. Красно-оранжевый дым поднимался над заводом, застилая едкой химией ясный лик восходящего солнца.

Дом сына не пострадал. Егор остановился на проезжей части, заглушил двигатель и, толкнув девушку в плечо, тихо предложил:

— Пошли со мной, умоешься.

Они прошли мимо его пикапа, стоящего на том же месте, где он его оставил, обогнули пустынный двор. Перед тем как войти в подъезд, обернулись на жёлтую машину реанимации, надрывно пролетевшую мимо.

— Это ты, отец? — спросил еле слышно сын. Открыл дверь и подозрительно уставился на синеволосую. — Что случилось? Ты выглядишь... — Сын не нашёл с чем сравнить и, замолчав, впустил их в прихожую.

Квартира-студия выглядела полупустой. Из мебели было лишь необходимое, даже телевизор отсутствовал, видимо, не являясь для сына важным предметом.

В комнате было темно, но появились первые лучи солнца и постепенно поднимались по стене, путаясь в ещё широкой бледной полосе. На полу возле дивана, с открытыми глазами и подогнутыми под себя ногами, лежало тело девушки. Под головой неровной кляксой тёмно-багрового цвета подсыхала лужица крови.

— Всё же убил, — констатировал факт Егор, наклонившись над трупом.

— Она первая выстрелила. — Сын встал рядом, в его руке был пистолет.

— Я не смог улететь. Самолёт разбился. Можно мы умоемся? — Егор посмотрел на синеволосую, стоявшую рядом и без всяких эмоций смотревшую на труп.

— Я слышал взрывы. Это война? — Сын вытер невидимый пот со лба рукой, сжимавшей пистолет.

— Думаю, с неба упали остатки метеоритов. И этот туман из-под земли опасен. — Егор снял с себя рубашку, затолкал в мусорное ведро. — Дай что-нибудь чистое, пойду приму душ.

Егор стоял под струёй горячей воды, попеременно подставляя забитые нервами участки тела. Почти забытое спокойствие разливалось по телу, тепло воды смывало грязь и усталость. Теперь ночная катастрофа казалась ненастоящей — словно только что просмотренное кино. Шум воды заглушил застрявшие в голове крики горящих людей, а перекошенные удушливым белым туманом лица, закреплённые зрительной памятью, постепенно становились бледными пятнами, лишёнными всякого смертельного ужаса.

Синеволосая и сын по-прежнему стояли посередине комнаты в тех же позах, когда Егор вышел из ванной. Застёгивая рубашку, он нарочно задел локтем сына, обращая его внимание на труп.

— Надо её завернуть в покрывало и положить в пикап. Нечего ей на нас пялиться. — Затем он посмотрел на синеволосую и предложил: — Иди, там горячая вода и шампунь.

Сын стянул с дивана покрывало, разложил на полу. Егор помог ему положить труп на покрывало, и, закатав в рулон, они оттащили его в прихожую.

— Откуда ты узнал о флешке и о том, что она из полиции? — спросил сын.

— Если я скажу, ты не поверишь. — Егор серьёзно посмотрел на сына.

— А ты попробуй.

— А ты веришь в другие миры и в разумных существ, отличных от человека?

Сын странно посмотрел на него, но промолчал.

Егор, понимая, что не стоит развивать эту тему, перешёл к главному:

— Поезжай в дом у залива. Ключи в банке под лестницей. Там тебя не найдут, да и не до тебя полиции сейчас. Не сегодня, так завтра в городе мародёрство начнётся. Главное — не тяни. Успей уехать. В подполе — банки с тушёной, рыбные консервы и сгущёнка. В сарае в бочке — крупы и мука. Будешь доставать, закрывай хорошо. Мыши, сам понимаешь. Спички — на печке, на берегу — лодка. Лови рыбу. Продержись недели две. Когда я вернусь, придумаем, что делать дальше. Пикап заберу — к бабушке на машине поеду. Тело по дороге закопаю в лесу. Кровь замой, приберись тут. Про друзей забудь. Ещё грохнут, если про эту узнают. Пистолет дай мне. В реке по дороге утоплю. Плохо, что ты её убил. Не надо было.

— Эта, что с тобой, сказала, что вы в самолёте познакомились. С ней что делать? Она нас сдаст. — Сын посмотрел на дверь ванной, прислушиваясь, как льётся вода. — Её тоже надо убить.

— Я её с собой возьму. — Егор положил руку на плечо сына, успокаивая. — Я сам всё сделаю. Яму так и так рыть надо.

Сын недоверчиво посмотрел на него, и Егор, не желая спорить, забрал у него пистолет, засунул под ремень за спиной.

Вода перестала литься, и через пару минут вышла девица, сопровождаемая запахом мужского шампуня.

— Я решил на машине продолжить путь. Предлагаю поехать со мной: мы же в одно место летели. — Егор прищурился, боялся отказа.

— Хорошо. Поедем на машине. Только у меня денег нет: сумка в самолёте сторела. Заплатить не смогу. Есть фен? — Синеволосая вопросительно взглянула на Егора, а тот в свою очередь, перевёл взгляд на сына.

— Фена нет. Я думал — это у тебя парик. Слишком яркий цвет глаза режет. Может, со мной останешься? У меня вискарь двенадцатилетний есть. Хочешь попробовать? — Сын сделал шаг к девице, дотронулся до её волос, размял пальцами слипшиеся локоны.

Девица попятилась, выдернула локоны из его руки и снова скрылась в ванной.

— Ты пугаешь её. Этого не надо делать. Лучше бинты принеси. Я ей ногу перевяжу. Она со мной поедет, а ты — к заливу. Слышишь? Прямо сегодня, а лучше прямо сейчас.

Глава 4

День выдался для осени ясным и тёплым. Воздух очистился от пылицы и семян засыхающих и гниющих растений.

Егор гнал пикап по знакомому маршруту, обгоняя одинокие фуры и не опасаясь многочисленных камер. Девица сначала бодрствовала, потом задремала и проспала три часа. Долго ехала молча; синеволосая думала о своём или, возможно, просто прокручивала в голове пережитое.

— За что он убил её? — вдруг спросила она ровным тоном, словно уточняла время.

— Мой сын — преступник. В этом и моя вина. Последние пять лет мы не виделись. — Егор прибавил скорость, выйдя на длинную прямую.

— Он большой мальчик, может отвечать за себя сам. Так за что он убил её?

— Ты же слышала, она в него стреляла.

— А-а-а! Значит, сама виновата. Не могу поверить в то, что со мной происходит. Как будто сон. Закрываю глаза, чтобы, открыв, проснуться, сидеть в зале ожидания аэропорта или в летящем самолёте, но не получается. Как ни стараюсь, рядом ты и эта реальность. — Девица повернула голову к Егору и, не стесняясь, принялась разглядывать его. — Меня Кира зовут. По-моему, дурацкое имя, мама дала.

— Хорошее имя. Короткое, поэтому легко запомнить. Вдобавок воинственное и боевое. Меня — Егор. Я на своё имя не жалею. Хотя в детстве по ошибке Андреем называли. Говорили, что это имя больше мне подходит.

— А ведь мы, Егор, могли погибнуть в том самолёте. Как Вика, подруга моя. Как это просто оказалось... Была Вика со своими путанными мыслями в голове, и вот её уже нет. Только имя осталось на кончике моего языка.

— Забавная девушка была. Дерзкая. Жаль, погибла.

— А мне не жаль. Хочется чувствовать жалость, но не чувствую. Пусто внутри. Да и так себе, если честно, подруга была. Злющая, как болонка.

Егор посмотрел на время: уже миновал полдень. Снизил скорость, и через километр пикап выехал на край склона округлой горы, у подножия которой простиралась пожухлая степь. Съехал с дороги на грунтовый проезд, проложенный по верхнему краю склона, словно контурная линия на карте, отделяющая лесной массив от голой долины. Остановившись среди разросшегося на горе леса, он вылез из машины и любовался видами природы около четверти часа.

Девушка выходить не стала. С безразличным видом она смотрела через лобовое стекло, продолжая, видимо, переживать страшную ночь.

Егор достал лопату, не забыв забрать ключи от пикапа с собой, и углубился в лес. Выбрал ровную площадку, стал копать желтоватого цвета песок, предварительно сняв коричневый рассыпчатый дёрн. Солнце пошло на заход, когда, выкопав глубокую яму прямоугольной формы, Егор вернулся к машине и вытащил труп в покрывале. Закинул ношу на плечи и направился к яме, услышал стук двери машины и быстрые шаги догоняющей его девушки. Кира нагнала его на подходе к яме и, когда он наклонился, чтобы сбросить ношу, выдернула пистолет из-под его ремня.

— Руки поднял! Не поворачивайся! Слышишь? Я выстрелю. Быстро встал на колени! — девушка командовала жёстким голосом, как, казалось несвойственным ей.

Егор медленно повернулся.

— Я кому сказала, урод! Не поворачивайся! — Кира сделала шаг назад, целясь Егору в голову. — Встал на колени. Я не шучу.

— На коленях только перед Богом. Стреляй так. Так даже удобнее в голову попасть. — Он опустил руки, спокойно глядя в глаза Кире.

— Что, переиграла я тебя?! — закричала она торжествующе. — Думал грохнуть меня и закопать с этой шлюхой? Я слышала ваш разговор. Ты же специально позвал меня с собой, чтобы завалить прямо здесь. А вот хрен тебе! Сдохнешь ты, а не я. Давай ключи от машины! — Кира нервничала и трясла пистолетом.

Егор стоял тихо, стараясь не провоцировать её.

— Я спас тебя, позвав с собой. Я боялся, что ты не поедешь. Он убил бы тебя. Даже если и не сразу, то потом...

— Не выкручивайся! Давай ключи от машины. Я всё равно заберу, — выкрикнула Кира и ошалело уставилась под ноги Егора.

Покрывало шевелилось и дёргалось. То, что лежало внутри, пыталось выбраться наружу. Кира попятилась, едва не упав, запнувшись о торчавшие корни сосны.

Егор замер на полминуты и, словно опомнившись, торопливо принялся разворачивать покрывало, рывками вытягивая концы на себя. Вывалилось тело — с открытыми неморгающими глазами, с затуманенным неживым взглядом. То, что раньше было Викой, пыталось подняться, цепляясь скрюченными пальцами за скомканное покрывало.

— Твою мать! — выкрикнула испуганно Кира и отбежала от ожившего трупа.

Егор остался стоять на месте, пытаясь понять происходящее. Он не мог поверить, что после смертельной травмы девушка осталась жива.

— Убей её, убей. Этот пистолет не выстрелит, — не говорило, а шипело тело, прерывисто выпуская воздух из раздувшегося живота.

Оно смотрело на Егора водянистыми глазами, направив указательный скрюченный палец с длинным ногтем в сторону Киры.

— Положи её рядом со мной. Будем спать до Судного дня. — Тело нервно дёргало ногами, пытаясь разогнуть неслушающиеся колени. — А ты, девочка, смирись. На смену страху придут спокойствие и длительный сон. — Тело, оставив попытки подняться, стало изгибаться и поползло, опираясь на руки. Из дырки в черепе сочилась мутная жидкость.

Тело стало приближаться к Кире, издавая звонкие икающие звуки.

Кира попыталась выстрелить, но произошла осечка. Она ещё отбежала, увеличив расстояние, и, умелым движением вытащив магазин, поправила патрон. Хлопнув по рукоятке пистолета, вставила обойму на место, уверенно подошла к ползущему телу, выстрелила.

Егор отвернулся, чтобы не видеть последствия. Он ушёл на опушку и, опустившись на колени, стал молиться, не обращая внимания на выстрелы за спиной.

Солнце наполовину ушло за горизонт. Стало прохладнее, в воздухе возникла напряжённая до звона чистота. В спину Егора уткнулась синеволосая, опустилась рядом на колени. Она повисла на нём, рыдая и корчась от судорог, впилась пальцами в его кожу.

— Увези отсюда, увези меня отсюда, — она рыдала, моментами переходя на крик.

Егор поднялся. Вернулся к яме, завернул в покрывало изуродованный труп. Сбросил в яму и закидал землёй. Подобрал брошенный пистолет, вернулся к машине, забросил в багажник лопату, усадил Киру и медленно повёл пикап в сторону шоссе.

Стемнело. Измученные долгой дорогой суставы взывали об отдыхе. Показались огни придорожного отеля, и пикап, повинаясь воле хозяина, съехал с дороги, подкатился к крыльцу двухэтажного кирпичного здания. Егор снял два одноместных номера и, закрывшись на замок в своём, не раздеваясь, завалился на кровать, усилием воли вызывая в голове пустоту — блокируя на раннем этапе появление мыслей и образов как следствие накопившихся за день событий.

В дверь попытались войти, затем постучали. Егор открыл. Кира успела уже умыться, сняла чокер с черепами из серебра.

— Я буду спать с тобой в номере. Я боюсь её. Вдруг она вернётся? — Кира казалась беспокойной.

— Ты всадила в неё обойму, а я закопал её на глубине полутора метров. Ложись спать, завтра будем дома.

— Даже не уговаривай, — девица по-детски топнула ногой. — Дай денег и машину, я куплю выпить. Её шипение угнетает. У меня руки до сих пор трясутся, а голова раскалывается от противоречивых объяснений этого оживления. — Кира вытянула руку с выражением лица, не принимающим возражений. — Иначе буду ныть всю ночь.

Егор устал, а потому, чтобы быстрее отвязаться от неё и остаться в одиночестве, достал ключ от машины и деньги, рискуя потерять и то, и другое, — выпроводил девицу и снова лёг, пытаясь вернуть состояние пустоты.

Киры не было около часа. Когда вернулась, припарковала пикап на прежнем месте, заглушила двигатель и пискнула сигнализацией.

Егор приготовился услышать шаги по лестнице, но было тихо. Он протёр ладонью лицо и приподнялся на локтях, прислушиваясь к звукам с улицы. Услышал смех Киры вперемешку с мужским баском — видимо, какого-то дальнобойщика. Странно, но Егор волновался, по сути, за чужого ему человека. За взбалмошную, ещё вчера незнакомую девицу.

Смех оборвался спором, и стеклянная бутылка, разбитая об асфальт, поставила точку на набирающем обороты веселье. Входная дверь громко хлопнула, и послышались длинные, через ступеньку, шаги — кто-то влетел на второй этаж, раз споткнувшись где-то на половине пути. Кира вошла в свой номер и уронила стул. В ванной потекла вода шумным напором; Кира,

стуча каблуками о ламинат, несколько раз пересекла комнату, разбив стакан и запнувшись об опрокинутый стул.

Девушка без стука ворвалась в его номер, бесцеремонно включила свет, заставив Егора недовольно зажмуриться. Он сел на кровати, глубоко вдохнул, растирая пульсирующие болячки виски.

— Я хочу сделать заявление. Хочу, чтобы ты был другом. — Кира, приплясывая в центре комнаты, подняла руки, словно радуясь солнцу, манерно развернула кисти, наклонила горлышко незапечатанной бутылки, пролив на ковровое покрытие часть содержимого.

— Поставь бутылку, пока не разбила! — усталым голосом попросил Егор.

Кира будто не услышала его, продолжала танцевать, кружась и выплёскивая алкоголь.

Егор встал, преодолевая усталость, подошёл к плясунье и забрал бутылку, поставил на стол. Он хотел снова сесть, но девушка зацепилась за его рукав.

— Стой, стой. Да не уходи от меня! — Она тянула Егора в центр комнаты. — Потанцуй со мной и выпей! Мне так сейчас хорошо, хочу разделить это веселье с тобой.

Егор высвободился и сел на стул возле стола. Кира состроила разочарованный вид и перестала танцевать. — Какой ты скучный!

Она, не церемонясь, села к Егору на колени, обхватила рукой его шею, прислонила синюю голову к его неизменной шапочке.

— Ты показался уродом в аэропорту, а сейчас ты мне нравишься. Почему так происходит? Жизнь вмиг переворачивается с ног на голову, и ты начинаешь чувствовать и думать совсем противоположное прежнему...

— Это действие алкоголя. Утром я снова стану для тебя уродом.

— Не-е-т, не говори так. Я не хочу. Я хочу и завтра чувствовать то же, что и сейчас.

— Тогда тебе придётся выпивать каждый день, пока не расстанемся.

— Мне сейчас стало жаль тебя и захотелось поцеловать. Что ты скрываешь под шапкой? Лысину или травму?

— И то, и другое. Давай постелю постель и уложу тебя спать. Сам переночую в твоём номере.

Кира наклонилась через него к столу, дотянулась до бутылки и, сцапав её, глотнула из горлышка.

— Я больше никогда не буду спать и не смогу получать удовольствие от секса. Ещё не буду есть мясо и пить томатный сок. Эта тварь всегда будет стоять у меня перед глазами, протягивать ко мне корявые пальцы, чтобы утащить за собой в могилу. Я не смогу теперь жить без бухла, потому что только оно отпускает. Моя жизнь превратится в пустоту, лишённую радостей. — Кира задумалась. — Короче, всё плохо. Моя жизнь станет помойкой. Впрочем, почему станет? Она всегда была такой!

Егор осторожно отодвинул её от себя, встал со стула, стал расстилать постель.

— Я понимаю, что мясо ассоциируется с трупом, а томатный сок напоминает кровь. Но при чём тут секс?

— Да при том, что есть ловушки сознания, вытаскивающие из памяти образы в самый неподходящий момент. Вот посчастливится, к примеру, оказаться на берегу южного моря, в объятиях загорелого красавчика-сёрфера. Он кладёт меня на тёплый песок, целует, и я завожусь... И вдруг, бац, срабатывает ловушка сознания, и в этот важный момент в памяти возникает мёртвая окровавленная рожа той суки, убитой, кстати, твоим сыном. Как думаешь, сложаются мои отношения с тем красавчиком? Думаешь, у нас есть шанс? Да он свалит от меня, обозвав фригидной дурой! И как мне жить теперь? Одного не пойму! Неужели всё это тебя не напрягает? Как ты можешь ходить без бухла, такой спокойный, после всего того, что с нами случилось? — Кира плюхнулась прямо в одежду на кровать, руки положила под голову, ноги

в обуви на каблуках закинула на спинку кровати. — Может, ты просто тупой и до тебя не доходит?

— Будешь оскорблять — останешься одна. Давай осматрю колено. Надо сменить повязку. Кира согнула ногу, посмотрела на перевязанное колено, оценила состояние бинтов.

Егор направился к двери, но, увидев это, она резко вскочила с постели, готовая бежать за ним.

— Ты куда? Обиделся, что ли? Прости, я же пошутила!

— Я до машины — взять бинты.

Девушка, словно не веря, продолжала стоять.

— Я же извинилась! Я просто хочу понять, что произошло в лесу!

Егор вышел из номера, а девушка подошла к двери, стала прислушиваться, чтобы убедиться, что он спустился на первый этаж и направился к машине. Отойдя от двери, она схватила бутылку, быстро отхлебнула и вернула на стол. Снова легла на кровать, оттянула бинты и принялась изучать рану.

— Завтра надо найти врача. — Егор вернулся в номер, в руках он держал автомобильную аптечку.

— Рана выглядит страшно. Я свалилась бы в обморок, если бы была трезвой. — Кира села на кровати, вытянула ногу в руки Егора, стоявшего на одном колене перед ней.

— За последние дни случилось много странного, и на этом фоне живой труп уже не так и удивляет! К тому же я не пытаюсь объяснить происходящее, я просто живу с этим. Я уверен, мир круче, чем мы представляем, и мне этого достаточно, в отличие от тебя. Ты пытаешься анализировать, запихнуть в мозг эти отклонения от привычного и переварить. Но они не влезают в рамки твоих знаний, и это взрывает мозг. Ты попробуй по-другому. Просто живи. Бог заранее, ещё до нашего рождения, определил твой и мой удел, и тебе с этого пути не свернуть. Важно не то, что происходит и ещё произойдёт, а то, как ты на это реагируешь. Важны ответные действия на внешние вызовы. Ты же не мучишь сознание мыслями о процессе пищеварения каждый раз, когда садишься за стол? А ведь процесс происходит и существенно влияет на жизнь. Ты живёшь параллельно многим и многим событиям и даже не задумываешься о них. Так стоит ли из-за уже прошедшего волновать нервы? Наверное, если бы Бог позволил нам видеть и понимать всё, что происходит в мире, мы сошли бы с ума или наделали бы глупостей. Человек ограничен своим естеством. Что бы ни заявляли учёные, нам открывается то и столько, что и сколько хочет Создатель, и не более.

— Мне всегда казалось, что образ Бога, как и Деда Мороза, должен оставаться в детстве. С чего ты решил, что Он существует?

— Иногда я вижу Его участие в моей жизни. Например, я выжил в самолёте.

— Правда? Ну тогда расскажи, как быть любимчиком Бога? Ты шапку чего не снимаешь? Что скрываешь? Травму? Что это было? Кирпич или кусок арматуры? Хороший, по-видимому, бонус за веру?

— И горькое бывает полезным, а трудности и несчастья очищают душу от грехов. Если ты не видишь радиоволн, это не значит, что их нет. Если не познала ещё любовь, это не значит, что и другие живут без неё.

— И ты не боишься смерти?

— Отчего же? Боюсь. Правда, не конца как такового. Беспокоит процесс перехода. Как объяснить? Однажды мне удаляли больной зуб. Стоял в очереди к хирургу, и мне пришлось это сравнение в голову. Процедура удаления зуба мне неприятна. Не то чтобы я боялся боли. Анестезия избавляет от неё. Неприятен процесс: белые халаты, кушетка, обезболивающий укол. Стоишь в очереди и ждёшь, когда вызовут тебя. Людей перед тобой ещё много, и ты стоишь спокойно. Но по мере того как твой черёд приближается, нервы начинают напрягаться. Ты знаешь: очередь не остановить, и твой срок подойдёт, вон осталось немного. И тут ловишь

себя на мысли, что не хочешь, чтобы наступал твой черёд. Знаешь, что придётся зайти, но, кажется, всё отдал бы, чтобы оттянуть время. Так и в жизни. Близкие уходят, и знаешь, что и твой срок настанет. Но всё бы отдал, чтобы ещё постоять в этой очереди. Правда, иногда, когда особо одиноко, наоборот, думаешь: скорее бы. Даже интересно, как всё случится. Каким он будет, твой последний день? Солнечным или ненастным? Зима будет или лето? Сможешь почувствовать этот день утром или будешь в неведении до последней секунды? Кого увидишь последним? Кто будет рядом в последний миг? Вот бы попасть сразу в рай, минуя чистилище. Дедов хотел бы встретить. Они рано умерли. Не договорили мы с ними. Знаешь, о чём я мечтаю в свои пятьдесят пять? Быть ребёнком, сидеть в лодке с удочкой прозрачным летним утром. Качаться на волнах, смотреть на поплавок и ждать поклёвки. И чтобы деды сидели рядом, чувствовать их присутствие. Слышать их сопение и спокойную возню. Ну а ты? Разве не хочешь продолжить жить там, переродившись? Неужели лучше верить, что вся твоя жизнь и все усилия, оценки в школе, разбитые об асфальт колени, предательство друзей, слёзы из-за первой любви, болезни — всё впустую, без всякого смысла? Для чего ты продолжаешь жить? Чтобы стать удобрением? Разве тебе не с кем там встретиться?

Егор смотрел на Киру, на то, как меняется её лицо, избавляясь от жеманства и обретая естественность. Она сильно сгорбилась, не зная, куда деть руки.

— С отцом, — проговорила она тихо. — Я хочу увидеть отца и попросить у него прощения. Он бросил нас с мамой, когда я ещё не родилась. Мать ненавидела его и прививала ненависть и мне. Знаешь, твои глаза, когда ты смотришь в упор, напоминают его глаза. Может, моя мать была жертвой, а может, просто сукой со скверным характером, не сумевшей удержать мужика. Может, он и не любил её, но, может, любил бы меня, свою дочь? Может, мой отец и не знал обо мне? Может, он был хорошим человеком и не заслуживал ненависти? Может, может, может... Мать ненормальная: отслеживала его судьбу и знала, где он живёт и чем занимается. Я хотела отомстить за неё и за себя — ну знаешь, этот юношеский максимализм, всё или ничего? Я тогда встречалась с бывшим военным, отмороженным на всю голову. Он научил меня стрелять, помог достать пистолет. Несколько лет назад я выследила отца и убила. Да, так просто! Взяла и застрелила. С матерью больше не виделась. Не могу видеть её. Что так смотришь? Не ожидал такого услышать? Думаешь, он простит меня, мой отец? А Бог? Он допустит меня в этот рай? Если нет, то лучше мне стать удобрением.

Егор не стал отвечать. Он взял в руки бутылку и вылил смесь воды и спирта на рану, на рассечённую кожу. Кира заскрипела зубами от боли, сдавила пальцами колено. Егор скорее по инерции, нежели осознанно поддался чувству жалости, стал дуть на рану, надеясь облегчить страдание, как делал это сынишке, много лет назад разбившему колено.

— Что ты делаешь? Мне всё равно больно! — Кира нагнулась к колену, потрясывая ногой.

Егор наложил повязку, уложил девушку в постель, накрыл одеялом.

— Не уходи. Прошу. — Кира отвернулась, накрылась одеялом с головой.

Егор выключил свет и лёг. Лежал с открытыми глазами, постепенно привыкая к темноте.

— Наверное, ты презираешь меня теперь? Поверь, я и сама от себя не в восторге. Иногда хочется раствориться в воздухе, распасться на атомы, смешавшись с фотонами, квантами, бозонами или что там ещё существует. Никогда не существовать. Не появляться в этом мире.

— Ты просто устала. — Егор подвинулся ближе, коснулся её плечом. — Может, наоборот, твоё рождение и твоя жизнь — это чудо? И, может, завтра у тебя будет время стать лучше?

Кира не ответила. Она ровно дышала, забываясь сном, а Егор, закрыв глаза, ещё долго лежал на спине, прислушиваясь к звукам снаружи. Наконец он стал постепенно удаляться от событий беспокойного дня, так долго не отпускавших.

Лицо жены казалось растерянным и виноватым. Он только что пришёл в себя после ранения, был слаб, и боль в затылке отвлекала, делала рассеянным.

Жена вложила ручку ему в руку, поднесла к подбородку напечатанный мелким шрифтом текст.

— Егор, нужны деньги на твоё лечение. Рана серьёзная, нужно оплатить операцию. — Жена дотронулась до его ладони с ручкой, придвинув её ближе к бумаге, остановив на том месте, где нужно было подписать. — Это доверенность на меня, чтобы я могла снять деньги. Ещё согласие на медицинское вмешательство. Доверься мне. Я же твоя жена. Подпиши вот здесь и здесь. И здесь. И ещё одна подпись.

Егор как смог подписал. Жена, забрав ручку, спрятала документы в пакет. Пряча глаза и не говоря больше ни слова, быстро встала со стула и прошла к двери.

Егор успел заметить друга Сашку, услужливо распахнувшего перед ней дверь.

Глава 5

Он проснулся, когда уже рассвело. Кто-то бил по кровати, сотрясая её и заставляя издавать протяжный скрип. Егор приподнял голову. На стуле, покачиваясь, сидел гость: положив ногу на ногу, он пинал кровать и теребил в руках чайную ложку — легко, словно пластилин, изгибал, растягивал и закручивал её узлом.

— Что случилось, что ты снова рядом? — спросил Егор, тяжело просыпаясь.

— Долго спишь. Вечером на месте планировал быть. — Гость, не взглянув на него, продолжал сотрясать кровать и уродовать ложку. — В столице идут бои во всех частях города. Это гражданская война со всеми вытекающими. Через несколько дней и до тебя дойдёт.

— Тебе-то чего до этого?

— Да я привязан к тебе по хотению близнецов. Должен следовать за тобой и приглядывать. Может, вернуться к заливу? Сиди там и жди, пока мир не помрёт?

— Не могу. Мне на родину надо, близнецы советовали. И прекрати трясти кровать. — Егор снова лёг, развалившись на спине. — Где Кира?

— Сбежала. С машиной и деньгами. Да и правильно сделала. От тебя никакого толку. Нет, какой же ты всё-таки неуклюжий мужик. Эх, был бы я на твоём месте... Думал про тебя: как хитро ты придумал дуть на коленку, и она поплыла и растаяла, а ты успехом не воспользовался! Слабак! А ведь она готова была.

Егор поднялся с постели, привёл себя в порядок.

— Почему раньше не разбудил?

— Я не будильник.

— О сыне что-нибудь знаешь? Как он? Добрался до залива?

— Добрался! Два ящика водяры с собой взял. Бухает и спит. При этом ничего не ест. Дурак пьяный по сараю шарился, крышку с бочки скинул да так и оставил — мышам на радость. А ведь ты его предупреждал! Всю крупу и сахар сожрут. А в городе — погромы. Туман появляется из-под земли то тут, то там, люди гибнут сотнями. Твой дом сгорел, в котором жена жила. Она уцелела, а её хахаля застрелили. По миру язва пошла. Глубокие раны оставляет. Портит преимущественно женский пол. Не щадит ни детей, ни взрослых. — После заживления остаются грубые рубцы, на которых волосы не растут. Если голова пострадала, проплешины остаются. Мир на грани масштабных изменений, и изменения, мне кажется, в худшую сторону. Несколько островов в океане за ночь под воду ушли вместе со спящими островитянами. Через один час сорок пять минут — нет, уже через сорок две — мощнейшее цунами обрушится на побережье Тихоокеанского региона. Жертв будет много. Впрочем, у нас тоже беспокойно. Вот мне к своим надо, а я вынужден за тобой присматривать. Может, ну всё — и домой?

— Откуда знаешь, что у меня жена была? — Егор недоверчиво посмотрел на гостя.

Тот сморщился, давая понять, что это очередная глупость.

Егор собрал вещи и вышел на улицу. Ночной холод сменился теплом наступающего дня, и шустрые воробьи гоняли друг дружку, жадничая четвертью буханки хлеба, неизвестно кем оставленной на асфальте. В двадцати метрах от выезда на дорогу стоял ржавый помятый навес остановки автобуса. Он направился к нему, поправив рывком лямку неудобной дорожной сумки. На площадку гостиничного комплекса съехал его пикап, пронёсся мимо дремавших фур, резко остановился, преградив ему дорогу. Кира, улыбаясь, вышла из машины. Её длинные волосы стали за ночь короткими, а синий цвет сменился бледно-жёлтым.

— Далеко собрался? — звонко выкрикнула она, озорно прищурившись.

Её лицо с новой стрижкой и светлым цветом волос казалось старше и строже, но при этом милее и краше. А короткая, открывающая верхний ряд ровных зубов улыбка делала её образ светлее, затмевая вчерашнее представление о ней как об убийце.

— Желание стать лучше появилось рано утром. Мне ногу зашили. Было больно, но я не плакала.

— Деньги остались? Заправиться бы не мешало. Стать лучше — я имел в виду поступки, а не причёску. Будешь так рьяно экспериментировать с волосами — станешь лысой, как я.

— А ты лысый? Сильно? Дай позырить и поржать! — Девушка протянула руку, чтобы стянуть с него шапку, но он ловким движением пресёк эту попытку.

— Дурак! — Кира трясла рукой. — Чуть руку не оторвал!

— Это ты в меня бутылку кинула? — за спиной Егора послышался голос незнакомого мужчины — сильно пузатого, с широким лицом и мешками под глазами.

— Разумеется, нет. У той девушки были синие волосы, а у меня — цвета солнца. — Кира снова улыбнулась, задиристо вскинув округлый подбородок.

— Ты — ссыкуха! Бросила и убежала. Я тебя узнал. Ответить придётся.

— Девушка со мной, и все вопросы ко мне. — Егор вышел вперёд, сбросил сумку с плеча, загородил собой Киру.

— Да пусть бы и так. Я компенсацию хочу. — Незнакомец шевелил пухлыми губами, презрительно скривив рот.

— За что?

— За бутылку, что в меня бросила!

Егор повернулся к Кире, кивком показал ей вернуться в машину.

— В какое место попала? Случаем, не в жопе застряла? — Егор разглядывал мужика, оценивая его физическую силу.

— За эту шутку накинು ещё тысячи две. Итого с тебя семь. Впрочем, если хочешь ещё пошутить, ты пошuti. От остроты шутки будет зависеть окончательная сумма.

— Да ты неправильно считаешь. И какие тысячи, если бутылка нигде не застряла?

— А какая разница? Она кинула, и мне обидно.

— Знаешь, есть служба психологической помощи. Можешь им позвонить. Ну или просто поплакать, — Егор закинул сумку на заднее сиденье, сел за руль, собираясь уезжать. Но длиннотелая фура, осторожно подкравшись сзади, перегородила проезд. Из фуры выпрыгнул второй дальнобойщик с монтировкой в руке, встал в стороне, но наготове. Егор, не заглушая двигатель, вышел из машины и, бегло оглядев мужиков, запрыгнул в открытый кузов пикапа, вытащил из-под набросанных в кучу вещей штык-лопату. — Нормально договоримся или кровь прольём? — пригрозил он.

— Как я сказал, семь тысяч компенсации мне хватит. Плати и уезжайте. Ну а если денег нет, то пусть эта шлюха отработает. Много времени не займёт. У меня бабы неделю не было, я быстро закончу.

— Вижу, ты не стремишься до старости дожить. А шлюхой мать твоя была, раз такого утырка родила, — Егор спрыгнул на землю, повернулся спиной к кузову. — Ну а ты, чудила,

тоже до старости дожить не хочешь? — Егор посмотрел на водителя с монтировкой. — У этого обида, а у тебя что? За компанию хочешь по башке получить?

— Отошли от него! — Кира выскочила с пистолетом в руках, направив его в сторону пузатого.

— Кира, сядь в машину! — закричал Егор, понимая, что засвеченный пистолет только ухудшит ситуацию.

— Опа, как повезло! — Пузатый словно обрадовался новому обстоятельству. — Теперь вы точно хрен уйдёте.

Он неуклюже побежал к своему автопоезду, а Егор, не теряя времени, заскочил в пикап, ожидая, что Кира последует за ним. Пикап покатился назад; Егор надеялся вырулить как можно быстрее на дорогу, но не успел. Автопоезд пузатого уже был рядом, не давая проехать, встал возле фуры, зажав пикап в клещи. Пузатый вышел с карабином в руках. Он направил ствол на Егора и, целясь в голову, прокричал:

— Вылезай, урод!

И, дождавшись, когда Егор распахнёт дверь, добавил, чтобы слышала Кира:

— И ты, сука, тоже!

Егор с лопатой в руках стоял напротив обиженного дальнобойщика, выжидая момент, чтобы напасть. Но пузатый, считав намерение, отступил, увеличив расстояние и продолжая целиться в голову Егора.

— Вы сговорились, что ли? «Урод» да «урод». Я что, и вправду так плохо выгляжу? — Егор заговаривал пузатому зубы, пытаясь оттянуть время и разрядить обстановку. Надеялся найти решение и уладить конфликт, наметив для себя, что будет бить лопатой плашмя, а не ребром, чтобы не убить.

— Не захотели по-хорошему? Будет по-плохому. — Пузатый обошёл пикап со стороны багажника, приблизился к Кире, перевёл ствол на неё и торжествующе улыбнулся. — Ну что, безмозглая? Думаешь, крутая? А давай проверим, насколько? Подними пистолет и направь на меня. Давай, целься! Кому говорю!

Кира, послушно зажимая пистолет обеими руками, прицелилась в голову пузатого, то и дело оглядываясь на Егора испуганными глазами. Егор двинулся было к ним, но пузатый велел остановиться, пригрозив выстрелить, и после короткой паузы добавил:

— Ты, мужик, стой смирно. У меня к тебе претензий нет. Претензии к суке, возмнившей себя крутой. На счёт «три». Кто вперёд выстрелит? Я или ты, ссыкуха? Раз. Два.

— У неё патронов в пистолете нет! — закричал Егор, пытаясь придумать хоть что-то. — Давай со мной разберись! Хочешь, я этот пустой пистолет на тебя направлю? А ты, Кира, опусти пушку. Опуст, говорю. Сама же знаешь, там патронов нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.